

Мария Акулова

Эффект

БАБОЧКИ

16+

Мария Акулова
Эффект бабочки

«Автор»

2016

Акулова М.

Эффект бабочки / М. Акулова — «Автор», 2016

Настя с детства знала: "Веселовы не сдаются!" Выгнали из танцевальной труппы? Не беда. Мама потеряла работу? Переживем. Приходится танцевать ночами в клубе? Могло быть хуже. Скоро все наладится - появится работа, трудовые будни в клубе "Баттерфляй" останутся в далеком прошлом, как и пристальные взгляды владельца этого места, которые так будоражат, или... Может, бабочка уже взмахнула крыльями, запуская необратимый механизм?

© Акулова М., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1

Когда-то Флора решила подарить Зевсу что-то необычное. Богиня взяла чистоту раннего утра, свежесть горного ручья, хрустальный блеск прозрачной росы, красоту и благоухание всех земных растений и создала цветок, равного которому не было на всем белом свете. Зевс, увидев такой подарок, не удержался и поцеловал нежные лепестки. И – о чудо! – цветок оторвался от стебля и полетел. Так, по древнегреческой легенде, появились бабочки. (с)

– Соберись, Настенька. Просто соберись! – девушка встала со скамьи, приподнялась на носочки, а потом опустила, чувствуя мандраж и отчаянную надежду на то, что у нее все получится. – Где наша не пропадала, правда ведь? – пытаюсь подбодриться, она сжала руки в кулачки, направилась к полке, взяла в руки тюбик.

У геля приятный запах, но для танцора этот запах хуже горькой редьки. Стоит по раздевалке разнестись мятному аромату, окружающие тут же начинают улюлюкать, сочувственно интересуясь, что порвалось, растянулось или защемилось на этот раз.

Настя смело скрутила крышечку, выдавливая содержимое на кончики пальцев. Благо, сейчас улюлюкать было некому. В раздевалке, как и в зале, она одна. Она и эта чертова лошадиная мазь.

Девушка поставила ногу на скамейку, прикладывая пальцы к внутренней стороне бедра, а потом проводя вниз до колена. Настя очень тщательно втирала целебное средство в кожу, искренне надеясь, что это спасет ситуацию.

– Ну вот, – размазав остатки мази по ладошкам, девушка скатила полы шорт, натянула на щиколотки гетры, собрала волосы. Откладывать больше нельзя. У нее были два месяца на реабилитацию. И она почти делала все, что положено. Почти не напрягала ногу, почти не чувствовала, как тянет эту чертову ниточку-мышцу. Почти ходила на прописанные врачом процедуры. Два месяца прошло, а значит, самое время попытаться...

Закрыв дверь в раздевалку, Настя прошмыгнула в зал. Знала, что в такую рань здесь никого не встретит. Петя придет только к одиннадцати, группа подтянется к половине двенадцатого. Все же суббота, всем хочется выспаться.

Уверенным шагом подойдя к станку, Настя уперлась в него руками, позволяя себе последнюю отсрочку. Она подняла взгляд вверх, посмотрела куда-то вдаль. Туда, где на улице май, солнце и счастье, а потом представила, как через каких-то двадцать минут счастье настанет уже для нее. Непременно настанет.

Настя с нереальной тщательностью и педантичностью разогревалась, прорабатывая каждое упражнение лучше, чем когда-то в детстве на показательных уроках перед родителями. С опаской ждала того момента, когда... И потому оттягивала.

Но ведь вечно оттягивать не получится, рано или поздно придется посмотреть правде в глаза.

Подтянув коврик к зеркалу, девушка начала по миллиметру опускаться, давая ногам вольно скользить в стороны. Когда-то поперечный шпагат давался ей куда легче, чем продольные. Когда-то, а теперь...

– Черт, – правая нога снова подогнулась. Ненавистная ниточка-мышца натянулась до предела, так и не дав сесть. Два долбанных месяца прошли зря.

– Ты чего так рано? – Петя облокотился плечом о дверной косяк, следя за тем, как девушка зло заталкивает форму в рюкзак.

Настя явно была слишком в себе, чтоб заметить, как появился парень. Стоило услышать вопрос, вздрогнула, а потом бросила на него растерянный взгляд.

– Тренировалась, – пожалала плечами, продолжая трамбовать сумку, только уже не настолько яростно.

– И как? – молодой человек сделал глоток из картонного стаканчика, продолжая изучать взглядом стройный силуэт танцовщицы.

– Никак, – не считая нужным скрывать, Настя выдохнула ответ, а потом опустила на скамейку, вскидывая на мужчину отчаянный взгляд. – Ненавижу себя за тот бросок. Ненавижу, – она непроизвольно потянулась к травмированному бедру, сжала на нем пальцы.

В памяти снова встал момент, когда все пошло не так. Она примчала на тренировку с опозданием, прямо с мороза направилась в зал, проигнорировала замечание Пети о том, что лучше бы размялась, отмахнулась, посчитав это пустой тратой времени, а потом направилась к общей куче-малой, чтоб тут же присоединиться к репетиции.

Присоединилась. Присоединилась так, что хруст был слышен всем. Оказывается, при растяжениях тоже может хрустеть.

Нет, в тот день она отработала до конца. Даже домой дошла, чувствуя лишь практически незаметную ноющую боль ближе к коленке, а потом была ночь... Ночь без сна, когда Насте казалось, она умрет от боли. В ход шли подушки, игрушки, она подкладывала под больную ногу все, лишь бы не приходилось ею шевелить.

Утром был травмпункт и радостное сообщение врача о том, что нога не сломана, а вот танцевать пока нельзя.

Настя расстроилась, мама тоже, Петя расстроился вроде бы больше всех, но заверил, что ничего страшного не произошло, заставил дать клятву, что Настька будет лечиться, а через две недели вернется огурцом.

Через две недели она вернулась... бревном. Травма не зажила. И как бы Настя ни пыталась это скрыть, среди своих не скроешь. Они-то видят, когда кривишься, дергаешься от боли, закусываешь губу и элементарно не отработываешь так, как раньше.

Неделю Настя изо дня в день пыталась разработать болезную ногу, но лучше не становилось. Ниточка-мышца не хотела сдаваться в угоду хозяйке, сопротивлялась, как могла.

В конце концов, снова был врач, снова его улыбка и радостное заверение, что все отлично, но лучше подлечиться. Два месяца. Два месяца без танцев.

Настя расстроилась, мама тоже, Петя расстроился вроде бы больше всех. Но раз врач сказал, что тут сделаешь?

Прошло два месяца. Сегодня все должно было решиться и, кажется, решилось...

– Тянет? – Петя подошел, опустился рядом на скамью, накрыл ее руку своей, сжимая болезное бедро. Со стороны должно было выглядеть интимно, но Асю не проняло. Сейчас бы ничто не проняло.

– Даже когда просто наклоняюсь неправильно, тянет.

– Влипли мы, Асёныш, – Петя допил кофе залпом, отставил стаканчик, а потом устался в стену перед собой.

Это «мы» было приятным. Значит, ее не бросят. Аж не верится. Значит, дождутся.

– Что думаешь делать? – рука Пети соскользнула с ее ноги, парень обернулся, пытливо заглядывая в зеленые глаза.

– Я могу... Просто не все. Не знаю, можем попробовать чуть поменять схему...

– А смысл?

– Ну, я могла бы...

– Мы два месяца работали по схеме без тебя. Какой смысл сейчас ее менять? – Петя говорил буднично, будто о погоде.

– Хорошо, тогда не нужно менять, я попытаюсь...

– Настюш, – а потом парень взял ее руки в свои, заглянул в глаза, будто с досадой, будто участливо, будто собирался сказать что-то важное, но неприятное, – не рви себе душу. Займись лечением. Как вернешься в норму – приходи. А пока мы отлично справимся без тебя, а ты без нас.

– Без вас? – во рту почему-то почувствовался вкус горечи. – У меня еще детская группа.

Петя тяжело вздохнул, потом кивнул, вновь поднял взгляд таких своих искренних серых глаз на девушку.

– Света отлично справляется с малышкой. Родители довольны, дети счастливы. Она сертифицированный специалист, а ты же только учишься... Да и вдруг еще больше травмируешься...

Горечь все так же пульсировала на языке. Все ясно. Света – сертифицированный специалист. А еще Свете очень не нравится, что Петя до сих пор не вытурил свою бывшую из труппы, и не забрал у нее деток-дошкольников.

– Мне нужны эти деньги, Петя, понимаешь? – Настя склонила голову, изучая выражение лица бывшего. Сейчас и сама бы не сказала, как могла сохнуть по нему, мечтать о нем, а заполучив такое долгожданное внимание – пищать от восторга. Видимо, за последние два года повзрослела и поумнела что ли. Непонятно только, почему такая умная не разогрелась тогда.

– Понимаю, но что я сделаю? – парень развел руками, поднялся. Над Настей возвышался симпатичный брюнет атлетического телосложения с сочувственной неискренней улыбкой на губах.

А ничего, Петенька. Ничего не сделаешь. Это очевидно.

– Хотя бы группу, Петя. Пока буду искать работу.

Она и так в последние два месяца не приносила домой ни копейки, а больше тратила на врачей и прочую лабуду. Мама молча давала нужные деньги, но Настя-то знала, тратит бережно хранящееся в закромах на черный день.

Она предвкушала, как снова приступит к тренировкам не только потому, что, наконец, сможет танцевать, а потому, что в карманах снова заведутся деньги. Часть гонораров за выступление, оплата родителей за детскую группу.

А теперь... Скоро у Андрейки День рождения, они с мамой собирались купить ему такую желанную приставку, Настя даже хотела просить у Пети аванс. Вот только теперь-то какой аванс?

– Настюш, ты же понимаешь...

Ни черта она не поняла. Хотя нет. Поняла, что здесь ей больше не рады. Ее травма оказалась неплохим предлогом выжить из труппы бывшую, которая сидела зудящей занозой в мыслях уже нынешней девушки.

Спасибо, Света. Удружила, услужила, а судя по тому, как пел Петя, практически спасла от невыносимой миссии – зарабатывать деньги тем, что так любишь.

Из раздевалки Настя вышла с куда более утрамбованным рюкзаком, чем планировала. Решила забрать все свои вещи, чтоб они не мусолили глаза остальным. Зато Света вздохнет свободно, уже приятно. Ей.

То, что Петя – не ее принц, да и вообще не принц, Настя поняла уже давно. Даже немного раньше, чем они расстались, но этот его «уход исключительно из-за заботы о ней», заставил убедиться в этом окончательно. Знает ведь, что ей нужны эти деньги. Знает, а все равно вышвырнул.

Ну и пусть. Одни двери ведь закрываются лишь затем, чтоб прямо перед носом открылись другие, правда?

Правда. Вот только какие двери светят травмированной танцовщице без образования, связей и искрометного таланта?

Настя мотнула головой, отгоняя неправильные мысли. Нет. Мыслить нужно позитивно! Непременно нужно, иначе мама тут же поймет. А ей точно нельзя говорить. Будут нервы, слезы, отчаянье и очередная попытка взвалить на себя еще больше, когда больше уже просто некуда.

– Аська! – Настя вздрогнула, возвращаясь в реальность. Размашисто ступая, к ней на встречу шла худошавая девушка с пестрым безобразием на голове. Толстые дреды, которыми Алина так гордилась, часто повергали окружающих в шок, а тоннели в ушах заставляли людей постарше морщиться с отвращением, но разве же Алине было до этого дело? Она человек творческий, и творчество прет в ней изо всех щелей, и последнее, что может заткнуть этот фонтан – общественное мнение.

Они знакомы больше десяти лет, когда-то занимались в одной студии, потом тусовались в одной танцевальной компании, потом каким-то невообразимым образом оказались в одной труппе, а последние три года уже танцевали 'плечом к плечу', продолжая тусоваться и заниматься.

– Какими судьбами? – дредастая девушка подошла вплотную, окинула Настю любопытным, без подвоха, взглядом, улыбнулась. – Возвращаешься? Наконец-то, а то смотреть уже не могу на довольную Светкину мину. Девка ж светится ярче солнца!

Настя усмехнулась, опуская взгляд в пол. Светится, и, кажется, продолжит светиться.

– Не возвращаюсь, – поймала болтающиеся шнурочки на кофте, взялась их завязывать. – Петя сказал, что вы отлично справляетесь без меня, – даже нашла в себе силы вскинуть взгляд.

– Вот стерва, – Алина же выражений не подбирала. Бросила злющий взгляд за спину Насте, в сторону передевали, в которой Петя сейчас наверняка дежурно созванивался со своей новой пассией, чтобы сообщить приятную новость – от ненужного балласта они избавились. А балласт теперь должен искать работу. – Это она ему мозг съела, не сомневайся!

Ася передернула плечами. Какая в сущности разница, кто кому и что съел? Петя взрослый мальчик, даже не так: взрослый мужчина, ответственный за целый коллектив и танцевальные группы. Он сам занимается поисками спонсоров, сам улаживает все вопросы с властями, общественностью, родителями. Сам разбирается с налогами и арендами. Сам устраивает выступления. Неужели выгнал бы ее, будь это нерациональным? Неужели пошел бы на уступки нынешнему своему временному увлечению?

В том, что увлечение временное, Настя не сомневалась. Постоянно Петр был увлечен единственной вещью, которой проигрывали любые иные страсти. Он был танцором. И любовь к танцу занимала в сердце слишком много пространства, чтоб там осталось достойное место еще для одной постоянной любви.

Настя на это место никогда не претендовала, сама была такой же, влюбленной в свое занятие, Света, видимо, тоже не претендует, раз вот уже полгода числится в подружках.

– Ну и приятного ей аппетита.

– Нет-нет-нет, – Алина схватила Настю за предплечье, привлекая внимание апатичной подруги. – Подавится! Ты что, так просто уйдешь?

– Уже ушла, – Ася чуть обернулась, демонстрируя полный под завязку рюкзак. – Меня не ждут в труппе, Петя отдал моих деток Светке. Что мне здесь делать? В уборщицы записаться? Хотя неплохой вариант. Света порадует, а у меня не будет проблем с деньгами.

– У тебя что, проблемы? – Алина склонила голову.

– Не большие, чем обычно. Просто в последние несколько месяцев я не заработала ни копейки, а теперь, судя по всему, уже и не заработаю.

Бюджет славной семьи Веселовых, к которой Настя с гордостью себя причисляла, строился по принципу повезет/не повезет. Мама Насти работала днями на одном из предприятий в бухотделе, а чтобы заполнить праздно вечера, брала подработки в виде швейных заказов. Хотя это ложь, заполнять нужно было не праздно вечера, а дыры в бюджете.

Андрюша заканчивал восьмой класс, а значит, скоро им предстояло потратиться на выпускной, подготовку талантливого, но ленивого мальчишки, к выпускным и вступительным экзаменам, а если повезет, и он поступит туда, куда так мечтает, за колледж тоже нужно будет платить.

Настины гонорары были приятным дополнением к зарплате мамы. Иногда они практически спасали. Андрею срочно нужны новые кроссовки? Не беда, ведь они немного отложили. Какой-то нехороший человек пропалил в мамином пуховике дырку окурком? А деньги за последнее выступление можно добавить еще, и новый пуховик практически куплен. У очередного Андрейкиного одноклассника День рождения? Пусть немного, но деньги есть. Насте нужны новые балетки? Деньги есть. Банк шлет гневные письма, требуя погасить долг? Со скрипом, но деньги тоже найдутся. Так было раньше, а теперь-то что?

– Хочешь, я поговорю с Петей?

– Еще чего не хватало, – Настя бросила взгляд через плечо. Она и сама-то за себя просить не стала. Тем более не хотела бы, чтоб за нее просили посторонние.

Нет уж, Веселовы не навязываются. Если им не рады – встают и уходят. Гордо и окончательно. Даже если Петя просить будет, Настя все равно не вернется. Найдет себе в сто раз лучшее место, справится с этой дурацкой травмой, свою трупку создаст, в конце концов.

– Нет, а я все-таки поговорю, – Алина порывалась обойти Настю, чтоб направиться напрямиком к 'начальству', но Аська поймала ее за руку, не дав сделать и двух шагов.

– Хочешь, чтоб Светка потом зубоскалила, что он не только от меня избавился, а еще и тебя на место поставил? Не стоит оно того, Алин. И не нужно мне это. Лучше подскажи... Может у тебя есть какие-то идеи насчет работы?

Какое-то время Алина хмурилась в нерешительности, а потом поднесла палец к губам, неосознанно вода по ним – пошел мыслительный процесс.

– А ну пошли отсюда. Кофе выпьем, поговорим, – зыркнув напоследок в сторону раздевалки, Алина потянула Настю к выходу.

– А как же тренировка, Алинка?

– Сам спляшет, раз такой умный.

Алина разозлилась так, будто из трупки поперли ее, будто деток тоже у нее забрали. Разве что пар из ушей не шел, но встречающиеся по дороге коллеги по коллективу, которые потихоньку сползались на тренировку, предпочитали ее не останавливать. В этом для Насти был несомненный плюс – плетясь следом за дредоносительницей, она оставалась незамеченной. Не приходилось покидать место, в котором пережила столько приятных мгновений, а теперь из которого элементарно вышвырнута, с высоко поднятой головой, прямой спиной и гордостью во взгляде. Мол, все вы еще пожалеете, что лишились такой меня. Даже не так – МЕНЯ. Нет, Настя уходила, внимательно смотря под ноги, иногда ощущая движение мышцы-ниточки, тянущейся от бедренного таза до коленной чашечки, она не пыталась запомнить родные стены, впитать лица родных людей, зацепиться, задержаться. Так было бы куда сложнее уйти, а вот уноситься вслед за Алиной – вполне нормально. Без лишних внутренних и внешних драм и истерик.

Жизнь ведь не заканчивается, просто немножко усложняется. Самую малость.

Алина выбрала кафе напротив здания, в котором находилась их студия. Сюда они часто забегали после тренировок, чтоб заправиться приличных размеров порцией жуть какой калорийной еды, а потом нестись домой, на работу, учебу, гулять.

Девушка в императивном порядке заказала два кофе, а потом устремила взгляд за окно, барабаня пальцами по столешнице.

Настя решила не прерывать бурлящий в голове подруги мыслительный процесс, терпеливо дожидаясь, когда та заговорит.

Ждала долго. Им успели принести заказ, Ася даже успела сделать несколько бодрящих глотков.

– Мне недавно звонили... – наконец-то Алина решилась заговорить. Взяла в руки свою чашку, опустила в нее взгляд, подула несколько раз, остужая. – Предлагали работу. Уж не знаю, где взяли номер, наверное, какой-то щедрый общий знакомый поделился. В общем, слышала о 'Бабочке'?

– Какой бабочке?

– Ночной, блин, бабочке, Аська.

Настя застыла, элементарно не догоняя, о чем говорит Алина.

– Клуб. Называется 'Баттерфляем'. Ну или Бабочкой. Знаешь же?

Настя кивнула. Знала, даже бывала несколько раз. Вместе с Алиной и бывала. Не худшее заведение в городе, достаточно просторное, с приемлемыми ценами и неплохой музыкой. Однажды они завалились туда всей компанией, отмечали очередной гонорар, им понравилось, после этого бывали там еще несколько раз.

– Звонили оттуда. Они проводят набор гоу-гоу.

– Нееееет, – удивлению Насти не было предела. Девушка с грохотом опустила чашку на стол, а потом еще и отодвинула ее, будто она олицетворяла предложение работы. – Ты что?

– Я что? – Алина же, кажется, даже немного разозлилась из-за такой реакции. – Я пытаюсь помочь. Вот что.

– Спасибо, конечно, но я еще не настолько отчаялась.

– Я же тебе не стриптиз танцевать предлагаю.

– Нет, не стриптиз, – Ася вскинула удивленный взгляд на коллегу. – Ты предлагаешь всего лишь забраться на подиум и там выплясывать полуголой, ловя на себе взгляды упившихся малолетних извращенцев, которых в том заведении вагон и тележка.

– Ты хоть представляешь, какие там деньги?

– Грязные там деньги, Алина. Я же отмыться не смогу, – стоило только подумать о подобном, Настю передергивало. Она очень явно представила себя в полумраке зала, на возвышении, в жутком костюме, который чаще всего не оставлял места для фантазии, с крыльями за спиной. – Их же самих ночными бабочками зовут, и относятся соответственно...

– Зато там всем нафиг не нужен твой шпегат, лишь бы выгибалась красиво. А то, что смотрят... думаешь там, где мы выступаем, на нас не так смотрят? Спасибо Петечке, хоть жопы разрешил прикрыть, а то одежды и так по минимуму, не больше, чем на бабочках.

– Но это же не то...

– Слушай, какого лешего я тебя уговариваю? – Алина ощетинулась, откинулась на спинку кресла, сложив руки на груди. – Не хочешь, не надо. Ищи сама. Найдешь – я только порадуюсь. Правда, сомневаюсь, что найдешь...

– Почему?

– Никто не будет возиться с травмированной, Настюш. Сама же знаешь.

– А они, значит, станут?

– А им, значит, фиолетово. Им нужны раскрепощенные молодые красивые танцующие. За две ночи можно будет получать столько же, сколько получала за свою детскую группу в месяц. А отмыться... Нефиг петь, Настенька. Берешь мочалку и отмываешься.

– Так почему ты сама еще в труппе? – устроенная Алиной рекламная кампания достойна была аплодисментов. Вряд ли девочки, работающие в Бабочке, подозревали, как им круто повезло в жизни.

– А мне не нужны деньги, и меня никто не выгонял. И в калеки не записывал.

Ответ у Алины получился грубым, но от этого не менее правдивым.

– Ладно, что я буду тебя уговаривать? – собрав дреды резинкой, Алина наклонилась к чашке, допивая кофе, а потом встала. – Если заинтересует, позвонишь, я дам номер человека, который нашел меня. Если все же нет – буду только рада. А мне пора... на тренировку.

Бросив купюру на стол, девушка наклонилась к Насте, клюнула задумчивую девушку в щеку, а потом вышла из кафе, возвращаясь в нужное здание.

Настя же еще какое-то время сидела, следя за тем, как по улице проносятся машины. Зря она надеялась на то, что предложение Алины станет реальной помощью. Танцевать на тумбе – это унижительно. Да и что она скажет маме? А вдруг из Андрейкиной школы кто постарше заявится, а там она? Или сам Андрейка? Хотя нет, Андрюша еще маленький. Но через пару лет...

Нет, это определенно невозможно. Потом ведь это вечным клеймом на лбу останется. Ночная бабочка из 'Бабочки'. Да и не сможет она. Просто не сможет. Застесняется, стушется, со стыда сгорит, расплачется...

Нет-нет-нет. Ситуация у нее не настолько безнадежна, чтоб хвататься за подобные предложения. Настя достала кошелек, вложила купюры в счет, забросила рюкзак на плечи. Она будет что-то искать, прошерстит интернет, сходит в школы, и обязательно что-то найдется. Непременно.

– Ну как, Настён? – стоило дочери показаться на пороге кухни, Наталья Александровна улыбнулась, схватила полотенце, вытерла о него руки, а потом подошла к девушке, целую в щеку.

– Могло быть хуже, – Настя вымучено улыбнулась, прошла в небольшую уютную комнатушку, опустилась на угловой диванчик.

Все в их квартире было небольшим, аккуратным, уютным. Когда-то папе дико повезло унаследовать этот маленький мирок за двоюродной бабушкой, которую тот невероятно любил, ценил, ухаживал до последнего. Причем ухаживал чисто по-человечески, а не с мыслями о том, что когда-то получит вознаграждение за свой труд. Он вообще был человеком сердешным и искренним. Не юлил, не таил, не притворялся, делал добрые дела потому, что хотел, а не потому, что продумывал возможную выгоду на два хода вперед. Видимо, за это его и любили. За это когда-то полюбила мама, коллеги, друзья, а Настя любила его просто потому, что это был ее папа.

Девушка окинула взглядом кухню, в миллионный раз умиляясь цветочным обоям на одной стене, веселенькой плитке им в тон на фартуке, финтифлюшкам, которые были так дороги маминому сердцу, а потому висели, стояли, лежали то здесь, то там. Часики в виде тарелки, горшки с фиалками на подоконнике, вышитая своими руками скатерть с такими же цветами, как на обоях, серьезный домовый, следящий за происходящим вокруг с высоты своего убежища на холодильнике.

Наталья Веселова вкладывала душу в эту кухню. Вкладывала почти так же рьяно, как когда-то в мужа, в детей, в их светлое будущее.

Перед Настей опустилась тарелка с сырниками, пиала с вареньем, поймав полный восторга взгляд дочки, Наталья подмигнула, а потом снова отвернулась к плите, выключила чайник.

– Андрюша, завтрак! – крикнула, разливая кипяток по чашкам, а потом перебрасывая чайный пакетик из одной, в другую.

Обычно, каким бы поздним завтрак ни был, к нему Андрюша не спешил. Сначала ему положено было провести ритуал по проверке всех доступных соцсетей, потом выкормить жителей многочисленных ферм, которых на его телефоне было множество, и лишь потом можно было снизойти до умывания и утреннего приема пищи.

Поставив на стол три чашки, блюда для себя и сына, Наталья опустилась на стул рядом с дочерью.

– Почему грустишь, сладёна? – подперев руками подбородок, женщина устремила внимательный взгляд на дочку. Сразу заметила, что Настя не в лучшем настроении, думала, показалось, а вот теперь понимала, что так и есть. Даже сырники не смогли помочь разгладить морщинку между бровей.

– Не грущу, просто... – девушка опустила сырник в варенье, а потом приподняла, задумчиво следя за тем, как тягучие капельки возвращаются в пиалу. – Я сегодня говорила с Петей...

Мама нахмурилась, но промолчала. Петр ей не нравился. Точнее когда-то нравился, но стоило узнать, как некрасиво он поступил с дочкой, вся симпатия улетучилась. Подумать только! Променять ее Настеньку, на какую-то вертихвостку! Тешил Наталью только тот факт, что Настенька не очень-то страдала, а еще вера в то, что он когда-то пожалеет, но Асю ему уже не видать.

– В общем, решила, что пока не буду с ними танцевать. Нога не пускает. Буду искать что-то другое, – девушка подняла взгляд, несмело улыбнулась. – Потерпишь лентяйку еще несколько недель, пока что-то найду? – посвящать родительницу в то, как именно она «решила» совсем не хотелось.

Конечно, она ожидала, что мама удивится. Подозревала, что расстроится. Даже готова была к тому, что начнет выпытывать, но нет.

Наталья какое-то время смотрела на дочку растерянно, а потом закрыла лицо руками, тяжело вздыхая.

– Меня сократили, Настён. Вчера.

Сердце ухнуло в пятки. Вот так, в один день их семейный мир – небольшая, но устойчивая лодочка – грозил пойти на дно. А то, что ее попросили из группы, вдруг потеряло ту значимость, какую имело еще минуту тому. Без маминой зарплаты они загнутся. Окончательно и бесповоротно.

– Как?

– Просто. Предупреждали давно, что всех не потянут, но я и подумать не могла, что доберутся до нашей бухгалтерии.

– И что теперь? – сырник снова нырнул в варенье, идя на дно посуды, этого не заметила ни одна из сидящих на кухне.

– Если б я знала, Настенька. Вчера и сегодня звоню по знакомым, пытаюсь хоть что-то, хоть как-то... Я уже и не помню, как это – искать работу, представляешь? Сколько я там просидела? Семь лет?

– Семь. – Столько же, сколько уже нет папы.

– Да, и теперь пытаюсь вспомнить, как это делают. Но всем молодых подавай. А на меня, сорокалетнюю, смотрят, как на умалишенную. Будто я в модели набиваюсь.

– Мамочка... – Настя прикрыла глаза, в сотый раз за день чувствуя горечь на языке. Все так сразу и так не вовремя.

– Ты только нос не вешай! – заметив, что дочь стала чернее тучи, Наталья как-то сразу забыла о собственных горестях, взяла дочкины руки в свои, заглянула в глаза. – Прорвемся, мы же всегда прорывались. Правда ведь? Да и нельзя нам грустить! Только подумай какая хохма – Веселовы, да грустят!

Настя кивнула, не чувствуя ни грамма уверенности в словах мамы. Всегда прорывались, но какой ценой? За счет здоровья, нервов, собственной гордости. И стоило только всему устаканиться, стоило успокоиться, стоило начать планировать, как все полетело в бездну.

– Оооо, сырнички, – в кухню смерчем влетел всклокоченный Андрей, шумно грохнулся на стул, схватил чашку с чаем. – Вы чего такие тихие? – и лишь забросив в рот вкусность,

хмуро глянул на своих женщин. Иначе он их не называл. Помнил сказанные когда-то отцом слова и обязательно собирался их исполнять.

Он их защитник, кормилец, надежда и опора. Пусть пока только будущая.

– Ты слишком громкий, Андрюш, по сравнению с тобой все тихие, – мама потрепала сына по волосам, вновь надевая на лицо маску беззаботности.

Она не хотела загружать детей своими проблемами, просто сдержаться не смогла. Да и Настя все равно бы рано или поздно поняла, так зачем таиться?

– Мамуль, я на минуту, – высвободив руки, Настя поднялась, вытащила из кармана телефон, протиснулась между спинкой маминого стула и холодильником, молча переступила через подножку брата, выставленную по старой доброй традиции.

– Давненько я вас не била, Андрей Владимирович, – услышала мамино замечание насчет поведения сына будто издалека.

– Это чтоб она ворон не ловила! – и ответ брата тоже прозвучал откуда-то извне.

– Ешь лучше, – Настя бросила слова через плечо уже в коридоре, а потом прошла в свою комнату, плотно закрыла дверь, отошла к окну.

Алина взяла трубку на третьем гудке. Значит, тренировка закончилась, или где-то там, в самом родном зале, объявлен перерыв.

– Слушаю.

– Дай номер «Бабочки», хочу попробовать.

Алина хмыкнула, но поддевать не стала.

– Записывай.

Глава 2

Бабочки никогда не спят. (с)

– Хай, – Настя подняла руку в молчаливом ответе на приветствие, даже улыбнулась.

Месяц прошел с тех пор, как она стала одной из бабочек Баттерфляя. Себе девушка могла честно признаться – этот месяц был не лучшим, не самым счастливым, детям о нем Настя рассказывать не рискнула бы. Ни гипотетическим детям, ни абсолютно реальной маме с братом. Благо, гибкий график позволял увильнуть от необходимости прямо объясняться с Натальей Александровной о том, почему в определенные ночи дочь пропадает. Иногда Настя объясняла все учебой, иногда халтурами, иногда просто не объясняла, а приходила под утро, целовала взволнованную маму, которая так и не смогла лечь, пока ребенка нет дома, а потом валилась лицом в подушку, забываясь тревожным сном.

Худшие ее страхи не оправдались, правда и сказкой этот месяц не стал.

Встречу в Бабочке ей назначили в ту же субботу. Возможно, раздумывая на том конце провода дольше, пригласи Настю на воскресенье, затея с треском провалилась бы. Девушка нашла бы сотню и тысячу более достойных, надежных и беспроblemных способов заработать. Но в тот день все казалось ей до ужаса фатальным и неисправимым.

Мама лишилась работы, денег у них почти не осталось, а со счета, который мог бы здорово помочь, снять деньги Наталья Александровна не позволит. Пока жива – к тем деньгам она не притронется.

Тогда, поцеловав маму перед выходом, на счастье, Настя вновь схватила рюкзак, помчала к метро. Всю дорогу до злосчастного места потенциальной работы мяла пальцы, борясь с нервозностью, кусала губы, то и дело, делая музыку в наушниках громче, чтоб заглушала назойливые панические мысли.

Настя понятия не имела, как проходят кастинги в подобных заведениях. Нет, воображение-то красочно вырисовывало непотребные иллюстрации, но разум пытался взять верх. Думать нужно было рационально – ей нужна работа, здесь ее можно получить. Каким образом? Пройти пробы. Пробы как кто? Как танцовщица. Танцовщица, без подоплеки и контекста. Просто за танец.

Девушка сообщила первому встретившемуся в темном коридоре мужчине, с виду похожего на охранника, цель своего визита, он же в ответ окинул ее задумчивым взглядом, а потом кивнул на лестницу, объясняя, как найти кабинет босса.

Босса она нашла без проблем. Евгений Пир восседал в небольшой комнате, гордо именуемой кабинетом управляющего директора. Достаточно молодой мужчина-блондин улыбнулся, протянул руку, а потом предложил присесть. Настя удивилась, но справилась со вздохом облегчения, который рвался из груди. Первый страх не оправдался – на сутенера мужчина не походил. Хотя и сутенеров-то она видела разве что в фильмах...

Для начала они поговорили. Кто порекомендовал обратиться? Какие цели преследуете? Имеете представление об особенностях профессии? Ревнивые мужья, братья, отцы выяснять не придут? Настя отвечала на все вопросы предельно честно. Зачем врать, что всю жизнь мечтала крутить попой на тумбе? Кто поверит?

Евгений Николаевич, видимо, разговором остался доволен, так как следующим номером программы ей предложили от разговоров перейти к действиям. Настя застыла, смотря на усмевающегося мужчину глазами запуганного зайчишки. Он же объясняться не спешил, сначала вдоволь насладился зрелищем растерянной простодушной девушки, а лишь потом расплывшись в ухмылке предложил пройти вниз, в зал, чтоб там провести «практическую» часть.

За неимением собственных каблучков, обувь ей предоставили, включили музыку, Пир подтянул к сцене стул, готовясь насладиться представлением. В результате, представлением наслаждался не только он, но и готовящиеся к вечеру бармены, снующие по залу осветители, прочий персонал.

Да, девочка смущалась, но, во-первых, очень уж вкусно выглядела. Вьющиеся каштановые волосы, спускающиеся до талии, наивные зеленые глаза, красивые ноги, которые эффектно будут выглядеть в надлежащей длинны шортах, плоский живот, не слишком тяжелая грудь, тонкие руки. Сочетание то еще. Кто не любит наивных обольстительниц? Лишь бы в пьяном угаре от этой красоты никому голову не сорвало, а так – чудесное украшение ночей в Бабочке. Это было во-первых, а во-вторых, девочка объективно хорошо двигалась. Пластично, гибко, сексуально, черт возьми, пусть и как-то по-наивному сексуально, будто не намеренно, но так, что хотелось смотреть и смотреть. Глаза сломать хотелось.

Пир махнул, прося остановить музыку, а потом подошел к сцене, протянул руку, смотря прямо в глаза тяжело дышащей девочке.

– Испытательный срок, бабочка.

Как Настя чувствовала себя на смотринах? Как товар. Чувствовала направленные на нее взгляды и хотела укрыться, умыться, спрятаться. Для этого когда-то в детстве папа отвел ее на балет? Для этого она так долго и мучительно училась? К этому стремилась и об этом мечтала? Однозначно нет. Вот только всем плевать, и даже она сможет договориться с совестью и памятью. Если есть для чего – сможет.

Когда ее взяли, она обрадовалась. А то, что испытательный срок – так даже лучше. Настя очень надеялась, что больше месяца это не продлится. Мама непременно найдет работу, сама она тоже подыщет более достойное место, но главное... Главное, чтоб никто, ни одна знакомая живая душа, не узнала, до чего она докатилась.

После того, как Алина скинула ей смс-кой номер нужного товарища, с расспросами больше не звонила. Видимо, понимала, что обсуждать собственное решение Настя не захочет. И в труппе трепаться девушка не стала бы, за это Ася была спокойна. Единственное – в первые несколько вечеров то и дело чувствовала, как сердце бухает в пятки, когда в толпе цеплялась за знакомое лицо. Но, чаще всего оказывалось, что лицо просто схоже со знакомым, а даже если знакомое – слишком бухое, чтоб узнать плясунью с крыльями за спиной.

Конечно, прежде чем приступить к исполнению своих прямых обязанностей, Насте было приказано надлежащим образом подготовиться к невероятной важности событию. Поднатаскать ее должна была гордость клуба и его же светящая ярче солнца звезда – Амина. Яркая высокая брюнетка с ногами... сказать от ушей – значит оскорбить. Нет, к этой длине неприемлемы гиперболы. Вот кто был истинной бабочкой.

Серьезно к заданию Амина не отнеслась, но и отфутболивать путающуюся под ногами девицу не стала – провела целый вечер в компании с Настей, показывая основные па, сухо исправляя и советуя.

Нет, искать подружек здесь Ася не собиралась, но облегченно вздохнула уже хотя бы потому, что ее не послали при первой же встрече.

Посчитав, что долг исполнен, Амина удалилась, проигнорировав благодарности Насти, а вот взмокшей, уставшей недобабочке предстояло еще тренироваться и тренироваться. Это по словам все той же наставницы. Но Настя и не сопротивлялась. Тренироваться легче, чем выйти в полный народа зал, а потом... Ох, она так ярко и одновременно так туманно представляла, что ждет ее в первый вечер, а он настал.

И небо не разверзлось, земля не приняла ее на месте, даже папа не вернулся из мира мертвых, чтоб настучать позорящей имя дочери по голове.

А имя опозорено было знатно. Одежда, которую ей щедро предоставил Пирожок, как Женечку ласково обзывали все работники клуба, была далека от той одежды, в которой ходят люди... даже иногда на пляже.

Рваные в хлам шорты, короткий отражающий свет ламп топ, приличной высоты каблук и черные ажурные крылья. Подобных наборов было несколько. Настя не знала, кто решает, в какой вечер следует надеть тот или иной, просто согласно кивала, когда одна из девочек ставила ее в известность.

В целом, коллектив принял ее нормально. Никто не лез в душу, никто не напрашивался в друзья, но никто и волком не смотрел. Смотрели чаще всего мимо. Как и сама Настя. Судя по всему, по зову сердца и велению души здесь одна Амина, правда и она не светится счастьем в раздевалке. А вот в зале – зажигается. Сначала Настя удивлялась таким метаморфозам, а потом поняла, что и сама преобразается. Профессионализм, черт возьми. Клиент всегда прав, клиенту наплевать на твои проблемы и сомнения. Клиент пришел «тыц-тыц», а еще время от времени поглядывать на то, как крылатые девушки извиваются под музыку, разогревая толпу.

Чаще всего выходные проходили для Насти как в тумане. Ночами она танцевала, днями отсыпалась, снова танцевала и спала. Мама тяжело вздыхала, но лезть не пыталась. Был бы отец жив, было бы иначе, а так – не считала себя вправе вмешиваться в жизнь взрослой дочери, если и сама-то не может со своей справиться.

Работа настойчиво ускользала из рук. Собеседования заканчивались ничем, разосланные сыном резюме оставались мертвым грузом на чьих-то почтах, швейных заказов, как назло, стало меньше.

Именно поэтому Настя обрадовалась первому заработку еще больше, чем надеялась. Денег было много. Слишком много, чтоб она смогла объяснить их происхождение маме, именно поэтому семейный бюджет пополнился лишь частью, а другая была припрятана в шкафу.

Но никто не отменял правило о том, что много денег приравнивается к такому же количеству проблем. Проблемы были. Например, ноющие ноги и спина. Хронический недосып. Постоянный страх встретить знакомых, а еще чувство беспомощности перед лицом толпы.

Несколько раз Настю порывались схватить за ноги самые смелые, или совсем охмелевшие. Сделать им этого не давали, грамотно оттесняя, но осадок оставался. Она даже ночами иногда просыпалась в холодном поту, вспоминая, как к ней тянутся жадные руки.

Закон стриптиза распространялся и на гоу-гоу: смотреть можно, трогать нельзя. Вот только если стриптизерша за отдельную плату позволит потрогать, Настю передергивало от одной мысли о подобном.

Она достаточно успешно убеждала себя, что происходящее с ней – временно, а чтоб не начать сомневаться, то и дело предпринимала попытки найти что-то более достойное. Попытки были, результатов не было. Сплошь кризис, сплошь и своим-то нечем платить. В преподавателях для самых маленьких никто не нуждается, официанты нужны на полный день, с детьми сидеть ни разу не рожавшей и на руках не державшей почему-то доверять не спешат.

Месяц прошел, а Настя снова и снова облачалась в наряд бабочки Батерфляя, постепенно свыкаясь со всем и всеми.

Сегодня ей грозила очередная рабочая суббота.

– Привет, – кивнув в ответ на еще одно приветствие, Настя прошла через зал, поднялась на пять ступенек, оказалась в плохо освещенном коридоре. Как бы ни было прискорбно это признавать, за месяц девушка отлично изучила свое новое место работы. Могла на ощупь добраться до нужной двери, знала, куда можно в темноте бросить куртку, чтоб та попала точно на диванчик. Привыкать к подобному очень грустно.

Настя открыла дверь в гримерную собственным ключом. Ей невообразимым образом повезло – досталась собственная комната. Нет, дело не в том, что Анастасии Веселовой предо-

ставили особенные условия, просто в той, другой, в которой к вечерам готовились остальные девочки, было тесно, а эта комната оказалась еще не отремонтированным подобием подсобки. Здесь было зеркало, вешалка, стул, диванчик из кожзама в углу, видимо, перекочевавший из кабинета Женечки по ненадобности. С потолка свисала лампочка без плафона, одна стена светила голым бетоном, пол поскрипывал при ходьбе.

Но это было не так-то важно, почему другие девочки отказались от подобной привилегии, Настя поняла сразу же, но ни секунды не жалела, что честь обзавестись собственной гримерной досталась именно ей.

Девушка пошарила по стене, нашла выключатель, зажгла свет. Унылая комнатка моргнула ей двухсотвольтной лампочкой. Отбросив рюкзак, Настя подошла к стулу, села на него, вглядываясь в собственное зеркальное отражение. Под глазами – синюшные тени, лицо бледное, взгляд – будто через пять минут на плаху, если вытянуть вперед руки – непременно затрясутся. Ася никогда не была абсолютно довольна собственным внешним видом, но в последнее время искренне удивлялась, каким образом может привлечь хоть что-то внимание. Как ей казалось, сейчас на нее смотреть можно разве что с жалостью. Так, как смотрит мама.

– Отдыхаем, Настенька? – Пир никогда не стучался. Видимо, не считал нужным. Не по статусу большому-большому начальнику стучать в гримерные маленьких-маленьких подчиненных. Видимо, каждый раз надеялся застать врасплох. А желательно не просто врасплох, а врасплох раздетой. Сегодня не повезло, Настя еще не начала готовиться к вечеру.

– Настраиваемся, – девушка окинула взглядом отражение мужчины в зеркале, а потом встала. В чем Женечке не отказать – так это в умении выбирать костюмы. Вроде бы не самая деловая должность, встречи с партнерами вряд ли проводятся в конференц-холлах бизнес-центров, но он вечно щеголял в костюмах с иголочки, чередуя лишь цвета. Сегодня – красивый светлый приталенный, делающий плечи широкими, а талию с бедрами правильно узкими.

Если бы он не расценивал любой взгляд, как доказательство заинтересованности в нем-любимом, Настя еще несколько раз скользнула бы взглядом по силуэту. А так... Себе дороже, потом же не отцепится.

– Правильно, Настенька. Очень правильно! – спрятав руки в карманы брюк, Евгений прошел в комнату, опустился на потрепанный жизнью диванчик, пододвигая не менее потрепанный рюкзак.

С долей раздражения девушка открыла дверцу шкафа, взяла в руки первую попавшуюся вешалку.

– Что-то еще? – оценив ситуацию, а именно то, что уходит Женечка не спешит, а вот ей самое время заняться подготовкой, иначе опоздает, Настя вздохнула, прячась все за той же дверью шкафа, а потом стягивая через голову родную футболку.

Как она обожала в такие моменты свои вещи и ненавидела синтетические блестящие и обтягивающие шмотки.

– Ты с девочками еще не говорила? – Настя повернулась лицом к полкам, расстегивая пуговицу на джинсах. Видеть мужчину она не могла, но готова была поставить миллион – Пир сейчас активно занимается тем, что пытается подобрать на диване такое положение, чтоб наслаждаться переодеванием танцовщицы хотя бы глядя в ее отражение, раз уж живую она отгородилась перегородкой.

Быстро сдернув джинсы, Настя запрыгнула в обтягивающую юбку, присела чтобы достать босоножки, идущие в комплекте.

– Нет еще.

– Вот так всегда... Стоило выделить отдельные хоромы, – Женя с гордостью обвел взглядом эти самые... «хоромы», – как бабочка тут же зазналась.

Настя прикусила язык, предпочитая не отвечать.

Пир безмерно гордился тем, что осчастливил новенькую собственной комнатой. Гордился и искренне не понимал, почему она до сих пор не висит на его шее, благодаря дню и ночью. Ему-то казалось, что он совершил подвиг истинного рыцаря. И каждый раз, когда отсчитывает зарплату, тоже делает это так, будто с барского плеча жертвует. Этому человеку нужно было ото дня в день подтверждать его значимость и ни в коем случае нельзя было забывать о том, что перед ним ты всегда в неоплатном долгу. Когда-то Настя пыталась посчитать, сколько раз на протяжении десяти минут он произнесет любимое свое «я» или его вариации «а я», «вот я», «как я». Сбилась на втором десятке.

– А я же так старался, – ну вот, очередное «я». – Для тебя, между прочим.

Застегнув правый босоножек, Настя поставила левую ногу на полочку в шкафу, чтобы застегнуть второй. Чертова ниточка снова неприятно потянула. Но теперь на это внимание девушка уже не обратила. Какая сейчас разница? Красиво извиваться травма не мешает, а с большими танцевальными планами, видимо, уже не сложится.

– Спасибо, – опустив ногу, девушка поправила юбку, выплыла из укрытия. Теперь главное не обращать внимания на то, как Пир бежит взглядом по обтянутому во всех местах телу.

Лишь бы у него там ничего не натянулось и не треснуло, а то подобного конфуза бедняга не выдержит.

Вновь опустившись на стул перед зеркалом, Настя взялась за резинку, которая держала волосы в хвосте, распустила их, тряхнула головой. Потом открыла одну из тумбочек, доставая набор для наведения максимально шлюшьего мэйкапа. В этом деле действуют те же правила, что в любой профессии, требующей грима – красится нужно так, чтоб у людей на расстоянии десяти метров не возникло сомнений – она намарафечена. Эта часть подготовки волновала Настю меньше всего – они и для выступлений наводили не менее боевой раскрас.

– Я зачем пришел... – Женечка в очередной раз подвинулся на диване, теперь следя уже за тем, как Настя красится.

А девушка мысленно возвела хвалу небесам за то, что помогли Пирю перейти к главному так быстро.

– Сегодня босс приедет.

– Какой босс? – Настя закрыла один глаз, решительным движением проводя стрелку. Мелочиться нет смысла – стрелка, значит такая, чтоб до бровей. – Разве не вы, Евгений Николаевич, у нас главный?

С одной стороны, ему вопрос явно польстил, так как грудь мужчины раздулась от гордости, а с другой, он как-то быстро поник, потому что пришлось признать:

– Я управляющий, а есть владелец. Вот он уже мой босс. А я – твой и всех здесь.

Понятно. Как-то Насте в голову никогда не приходило размышлять о том, кто владеет Баттерфляем. Подобный интерес доказывал бы, что это место имеет для нее какой-то вес, а этого Настя для себя не допускала.

– И что в связи с этим? – на втором глазу появилась такая же стрелка, а Пир не спешил продолжать разговор, засмотревшись на творящееся у зеркала действие.

– Ничего особенного, просто не опозорьте меня, этого будет достаточно. А то скажет, что набрал неизвестно кого, получу по голове, а потом и вы получите. Девочки-то уже давно танцуют, они в курсе, а ты у нас новенькая, потому предупреждаю.

Настя только кивнула. На самом деле, Пир пришел просто потрепаться, а приезд какого-то босса – предлог, но совету девушка вняла, а опозорилась она уже давным-давно, в первый день появления в зале Баттерфляя. Нет, со своего почетного места она не свалилась, в ступор не впала, в слезах не убежала. Опозорилась, появившись в том месте в таком виде.

– Ладушки, – хлопнув себя по коленям, Пирожок поднялся, подошел к двери. – Может поужинаем после смены, Настасья? – мужчина оглянулся, бросая через плечо лучезарную улыбку.

Настя отложила помаду, а только потом посмотрела на него, правда снова в отражении.

– После смены впору завтракать, но я не хочу, простите, – она не хотела, чтоб прозвучало грубо. В первый раз, когда Женечка предложил, даже волновалась, что могла ненамеренно обидеть, но со временем поняла – он не обижается. Просто время от времени прощупывает почву. Не только здесь. А вдруг повезет? Вдруг многочисленные «я» и его подвиги в отношении простачки-Настеньки будут надлежащим образом оценены. Настолько, что даже обломится.

Услышав же очередной отказ, Пир не расстроился. Улыбнулся еще шире, пожал плечами, вышел из комнатенки. Попытка номер бесконечность провалилась, но это совсем не значит, что новой не будет.

Настя покачала головой, беря в руки тушь.

После предательства Пети думать об отношениях не хотелось. После двойного предательства Пети, Настя поняла, что думать об отношениях не просто нежелательно, это чревато.

После расставания с бывшим, она не пыталась его вернуть, заново обольстить, снова зажечь те чувства, которые, судя по всему, успешно потушила Света. Но это не обезопасило от нападков новой девушки Петра. И если бы все ограничилось нападками... Но нет. Света не успокоилась, пока не сжила Настю... не со свету, но из коллектива.

Что же будет, согласись она на ужин с Женечкой? Травля и косые взгляды вслед еще и здесь ей были не нужны. Как бы ни хотелось это опровергнуть, но собственным местом она дорожила.

Закрыв дверь на ключ, оставив его на крышке висящего здесь же трансформатора, Настя направилась по коридору в сторону зала. Сегодня в клубе давала концерт одна достаточно известная группа. Этот ивент должен был длиться до десяти, а потом, словно по мановению волшебной палочки, концертный зал снова превращался в танцпол.

Настя прокашлялась, чувствуя, что горло противно саднит. Неизвестно, как можно было простыть летом, но она умудрилась сделать именно это. Даже в 'отсутствующей' по факту одежде было жарко и душно. А воздуха здесь всегда мало, от запахов то и дело начинало мутить.

– Бледная ты какая-то, – из общей гардеробной выплыла Амина. Девушка приподняла бровь, окидывая Настю скептическим взглядом.

– Нет леденцов? – Ася чуть сжала горло, прокашливаясь. Благо, сегодня суббота, а значит, завтра можно с чистой совестью заболеть, а потом валяться целый день, забив на все. 'Все' простит, работа – нет. Лишь бы сегодня отплясать в надлежащем виде.

Амина фыркнула, явно подразумевая 'нет', а потом проявила невероятную заботу – приложила ладонь ко лбу Веселовой.

– Ты в прямом смысле жаркая штучка, Настя. Сказала б ты Пиру, что сегодня не сможешь...

Ася уклонилась, сбрасывая руку коллеги, а потом мотнула головой. Нет уж. Ничего она не горит, просто горло болит. Если бы все просили отгулы, стоит запершить горлу, работать было бы уже некому.

– Ну как знаешь, – пожав плечами, Амина царственно развернулась, задев Настю роскошными крыльями.

Вслед за царицей всяя клуба из гримерной по одной стали выплывать остальные девочки, здороваясь с Настей или просто игнорируя.

Им навстречу выбежал распорядитель, как всегда истерично сообщая, что пора, а потом начиная рвать на себе волосы, ведь возглавляющая колонну танцовщиц Амина не спешила ускоряться.

– Тебе Женечка сказал? – Алёна, милостивая русоволосая девочка, чуть старше двадцатилетней Насти, обернулась, явно адресуя вопрос именно ей.

– Что он должен был сказать? – внутри похолодело. Почему-то Насте показалось, что сообщить ей должны были об увольнении. Пусть пока вроде как не за что, но испытательный срок близился к концу, Пир мог пойти советоваться к девочкам, стоит ли оставлять новенькую, а потом им первым сообщить, что решил-таки не оставлять.

– Сегодня вроде бы должен приехать Имагин. Владелец. Он редко заявляется, но когда приезжает – жди беды. Пирожок получает втык, а потом устраивает втык уже нам. Так что лучше сделать так, чтоб ему не за что было орать.

Настя кивнула.

– Знаешь, на чье место тебя взяли? – в разговор вступила еще одна девочка, тоже Настя, только рыженькая. – У девочки был День рождения, она принесла шампанское, конечно, всех угостила. Но мы-то выпили по глотку, а она – полбутылки. О том, что приедет 'ревизор', Пир никого не предупредил, ну она и полезла на сцену... пьяная. Имагин это дело увидел, а дальше все было уже по привычному сценарию – втык Пирожку, увольнение бедолаги.

Снова кивнула. Нет, ну она-то не пьяная. Чего бояться? Нечего. Почему тогда страшно? Непонятно.

– Крылья расправили? – Амина остановилась, оглянулась, подмигнув почему-то Насте, которая замыкала группу девочек, а потом открыла двери в зал. Шоутайм.

Как бы хорошо ни работала вентиляционная система, здесь все равно всегда было душно. Душно, жарко, мало места, а лампы то и дело резали по глазам, отзываясь болью в висках.

Оставшийся после концерта народ потянулся к бару, счастливые обладатели столиков сидели на мягких креслах, потягивая коктейли, танцпол же пока заполняется неохотно. Но это пока. Каких-то двадцать минут, и негде будет протолкнуться, нужно только, чтоб народ поймал ритм, завелся.

А вот им, бабочкам, положено заводиться по щелчку, а точнее с первой ноты. Музыка заиграла, девочки натянули на лица лучезарные улыбки, начиная представление. Начинали они обычно синхронно, это здорово привлекало внимание, а уже потом расходились каждая в свою степь.

Настя подняла правую руку вместе со всеми, окидывая помещение взглядом. Как всегда, с замиранием сердца, она сканировала его на наличие нежелательных элементов – знакомых. С первого взгляда таких не заметила, в очередной раз возблагодарив небеса за то, что Баттерфляй находится в не слишком удобном месте, и не пользуется бешеной популярностью среди танцоров и студентов ее универа.

Проведя левой рукой от кисти и до правого плеча, девушка повернулась спиной к залу, бросила игривый взгляд через плечо. Почти такой же, как бросил ей напоследок Пир. Так же сделали другие девочки. Публика же получила возможность вдоволь насладиться видом их ажурных крыльев, на которых поблескивали стразы. Крыльев, а еще неплохих филейных частей, обтянутых латексными юбками, ну и ноги ведь никто не отменял.

Ночь еще толком не началась, а Настя чувствовала себя так, будто по ней проехали. Скорей всего не раз. На лбу выступила испарина, а каждое движение приходилось просто выдавливать из сопротивляющегося организма. Он явно не хотел танцевать, он хотел в кровать, под одеяло, желательно подоткнутое со всех сторон заботливыми мамиными руками. Вот только в кровати денежки не зарабатываются.

У девушки не было возможности узнать, сколько времени прошло и сколько осталось до момента, когда можно будет хотя бы на десяток минут незаметно пропасть, по трэкам считать она уже даже не пыталась, а судя по тому, как резво выплясывали остальные, девочки устать не успели.

Горло сжал очередной приступ тошноты – обилие запахов царапало раздраженную гортань, вызывая самые натуральные рвотные позывы, с которыми бороться приходилось лучезарно улыбаясь и продолжая извиваться.

Будь это любой другой день, не напугай ее сначала Пир, а потом девочки рассказами о страшном боссе, она давно бы пожалела себя, направилась бы к Женечке с покаянием. Он бы, наверняка, побурчал, но позволил бы отправиться домой. Такое иногда случалось – в крайних случаях девочки отпрашивались. Но сегодня был не тот день.

Наверное, Амина права, нужно было поговорить с Пирожком раньше, прежде чем лезть в зал. А теперь поздно: назвалась бабочкой – порхай.

В очередной раз взяв себя в руки, Настя опустила на корточки, чтоб потом подняться, выводя пальцем извилистую линию на ноге. В глазах на секунду потемнело. Нет, это было не лучшее решение, в следующий раз следует обойтись без резких движений.

Трэк сменился, на танцпол потянулись люди, веселье повсюду разгоралось. Перебросив распущенные волосы с одного плеча на другое, Настя выставила вперед ногу, рисуя бедрами восьмерки.

Да, на балете их такому не учили, на балльных танцах тоже, но что поделать? Тем более, Петя любил ставить на сексуальную составляющую в своих постановках. Никогда не опускался до пошлости, но и использовать многообещающие движение не чурался. Теперь, работая здесь, в клубе, Настя часто абстрагировалась от происходящего, представляя, что просто танцует очередную постановку бывшего. Это помогало переживать неделю за неделей. А потом, глядишь, придет привыкание.

Снова смена трэка, воздух пропитывается запахом толпы, алкоголя, становится крайне душно. Подняв над головой руки, Настя крутанулась вокруг своей оси, окидывая остекленевшим взглядом помещение. Нет, она все так же улыбалась, но только потому, что улыбка намертво приклеилась к лицу. Двигалась она уже неосознанно, по инерции, зачем-то считая про себя до десяти, а потом снова до десяти, и опять до десяти. Так, по десяткам, легче переживать декаду секунд за декадой.

Она чувствовала множество направленных на нее взглядов. Чувствовала их как один большой липкий кокон, окутывающий со всех сторон, но в этом коконе почему-то лицо сейчас жгло особенно сильно.

В очередной раз вскинув голову, Настя подняла взгляд, натываясь на человека, чьи глаза так рьяно жгли.

Как-то сразу стало понятно, что это и есть босс босса, Глеб Имагин. Наверное, потому, что сидел он за центральным столиком, а еще потому, что рядом с ним восседал Пирожок, чему-то неистово радуясь и с неподдельным энтузиазмом о чем-то распинаясь.

Насте казалось, что всем боссам босс должен быть как минимум старше Женечки, а выглядели они ровесниками.

Мужчина сидел на диване, откинувшись на его спинку, в руках держал стакан с водой, вряд ли водку стали бы наливать в таких объемах. Он даже не делал вид, что слушает лепет подчиненного. Просто смотрел перед собой, старательно прожигая дыры в лице одной из гоуго танцовщиц. К несчастью, в Насте.

Сглотнув, Настя попыталась оторвать ответный взгляд от лица мужчины, но это оказалось чертовски сложной задачей. В полумраке он выглядел пугающе-притягательно. Брюнет со внимательным тяжелым взглядом заставил сердце забиться куда быстрее, чем все пляски. Ладони вспотели, горло сжал очередной спазм.

Если бы он хотя бы взгляд отвел, стало бы значительно легче. А он делать этого не спешил. Наверняка заметил, что его поймали за подглядыванием, но не стушевался, не отвернулся, не сделал вид, что танцовщица интересуется его не больше, чем подиум под ее ногами. Нет, опустил взгляд, но не отвел его, теперь путешествуя вниз по шее, к груди, животу, по

ногам. Захотелось сжаться, прикрыться, но вместо этого Настя развернулась, давая себе хоть такую передышку.

– Женечка, отвлеки ты его, – шепнув себе под нос, Настя с опаской обернулась, выписывая очередное па, которое теперь казалось особенно пошлым и неприличным. Этот штрих не отвернулся. Только хмыкнул, возвращаясь к наблюдению за тем, как лицо танцовщицы покрывается красными пятнами. Даже убеждения о том, что в темноте покрасневшего лица не видно – не успокаивали. Настя знала точно – он прекрасно знает, что смущает, и делает это специально.

Очередная смена трэка произошла как-то незаметно. Позабыв о том, что делать этого не должна, Ася попыталась испытать еще один метод ускользания из-под пристального внимания темных глаз. Девушка вновь нырнула вниз, опускаясь на корточки, а потом попыталась подняться. Перед глазами заплясали мушки.

– Черт, – вытолкнуть себя наверх Настя уже не смогла, ныряя в темноту.

Глава 3

Жизненный цикл бабочек состоит из четырех фаз и завершается потрясающим превращением в прекрасную бабочку (имаго). (с)

– Ну-ну, давай, открывай глазки, – Настя почувствовала ужасно острый запах, попыталась увернуться от его источника, но кто-то хоть и не слишком грубо, но настойчиво придержал, не давая отвернуться. – Пришла в себя?

Осознав, что единственный способ избавиться от подобного внимания – открыть глаза, Настя заставила себя сделать именно это. Не сразу, но зрение сфокусировалось на чем-то лице. Над ней стояла девушка, одной рукой придерживая голову, а другой водя перед носом. Девушкой была Амина.

– Я что, грохнулась в обморок? – Настя оттолкнула от себя руку с ваткой, которая, судя по всему, и истошала тот жутчайший запах, попыталась сесть. Амина ей не мешала, только хмыкнула пару раз, наблюдая за тем, как девушка подтягивается на трясущихся руках.

– В обморок, с возвышения, в толпу. Красиво летела... – выбросив ватку в мусорную корзину, Амина отошла, опустила на кресло, Настя же окинула взглядом комнату. Они каким-то образом оказались в ее персональной гримерной. Сама Веселова – на том самом диванчике, гостя, или скорей спасительница, – у зеркала. На часах – начало третьего.

– Ты что, сама меня сюда притащила? – мозг пока работал очень неохотно, благо, слова вспоминались довольно быстро.

Амина фыркнула, забрасывая одну невообразимо длинную ногу в практически отсутствующей юбке, на другую, не менее длинную.

– Я похожа на грузовую лошадь? – нет, не похожа. Совсем. – Охранник подхватил, притащил, уложил, а потом помчал обратно, разбираться с воодушевившейся толпой. Не каждый день на них падает полуголая девка в несознанке, знаешь ли...

Настя не знала. Она и сама-то ни разу в обморок не падала.

– Черт.

– Именно, – Амина чуть повернулась в кресле, величественным движением протянула руку к трюмо, на котором стояли немногочисленные Настины тюбики, схватила один, повертела в руках, хмыкнула, вернула на место.

– И что теперь?

Подарив еще несколько хмыков немудреным косметическим средствам Насти, Амина вновь подняла взгляд.

– А что теперь? Тебя приперли сюда, нас тоже, на всякий пожарный, девочки сидят в гримерной, а я сторожу тебя в твоей кладовке, ждем, пока подъедет скорая.

– Не нужно скорую, – Настя попыталась сесть повыше, но обессиленные руки соскользнули с диванной ручки.

– Я вижу, что не надо. Может, вернешься? Продолжишь бенефис?

На колкость отреагировать не хватило ни сил, ни понимания. Настя мотнула головой.

– Значит, сидим и ждем. Я и так контрабандой тебе нашатырь принесла. Пирожок сказал тебя не трогать. Очень зло сказал, милая моя.

Ася застонала, откинув голову на спинку дивана. Сейчас она чувствовала себя намного хуже, чем перед выходом в зал, но если бы Женя пришел и сказал, что либо она возвращается и отработывает, либо теряет работу – она умерла бы, но пошла танцевать.

– Меня уволят?

Отвечать Амина не спешила. Долго просто сидела, покачивая ногой.

– Я же предупредила, советовала отпроситься. Надо было слушать умных людей.

Надо было, но откуда же она знала, что ей может быть так плохо? Откуда знала, что так разнервничается из-за пристального взгляда? Угораздило же грохнуть в обморок именно сегодня. На глазах у толпы, на глазах у Пира и 'всем боссам босса'. Нет, ее определенно уволят.

– Это было... ужасно? – Настя скривилась, представляя, как живописно, должно быть, свалилась. Возможно, даже что-то ушибла или вывихнула, но сейчас ничего подобного не чувствовала.

– Что ужасно? Грохнулась? Да нет, нормально грохнулась. Обычно. Заурядно. Как танцуешь, так и грохнулась. Тихо, без помпы. Просто сползла под ножки, и на том все. Если б рядом с тобой народ не засуетился бы, никто б и не заметил.

Амина лучезарно улыбнулась.

И на том спасибо. Хотя бы людей не слишком испугала. Хотя какие нафиг люди? Какая к черту разница, если этот обморок ей будет стоить работы? Работы, в которой они все так же нуждаются. У мамы на этом фронте без перемен, а семье по-прежнему нужно есть и желательно было бы заплатить коммуналку.

– Слушай, раз ты в себя пришла, сторожить тебя смысла нет. Сама дождешься врача? Больше не грохнешься?

Настя покачала головой, подтягивая ноги к подбородку, а потом расстегивая босоножки, которые тут же полетели на пол.

– Вот и славно, – Амина встала, продефилировала к двери, – Пирожок сейчас разговаривает с Имагиным, сказал, что потом зайдет. Так что жди, бабочка с мятыми крылышками, – Настя невольно потянулась за спину, пытаясь нащупать тот самый элемент гардероба, о котором говорила Амина. Крыльев за спиной не было, видимо, сняли прежде, чем опустить болезненную на диван.

За девушкой закрылась дверь, Ася же вновь сползла на кушетке, перевернулась на бок, подтянула ноги к груди, закрывая лицо ладошами. Было невероятно хреново. Как физически, так и морально. Судя по всему, это был последний ее вечер в Баттерфляе.

– Объясни мне, Евгений Николаевич, что творится в моем клубе? – к сожалению, Пирожок не понимал ни что творится в не его клубе, ни вроде как еще в его кабинете.

После того, как Настя свалилась прямо в зале, поднялась суматоха. Как ни странно, первым с дивана подорвался почему-то именно Имагин. Подорвался, а потом направился в толпу.

Женя же так и застыл с открытым ртом и недосказанной фразой, следя за тем, как всем боссам босс спускается к танцполу, останавливается, вглядывается в 'то', вокруг 'чего' собирается приличная толпа.

Скоро Пир понял, в чем дело, увидел, как девочку поднимает на руки один из охранников, несет в сторону служебной двери.

Он так же, как Имагин до этого, подорвался с места, спустился к перилам, держась за которые, Глеб провожал взглядом удаляющуюся фигуру грузного мужчины в черном с девочкой на руках.

– Разберись, и жду тебя в кабинете, – резко развернувшись, Имагин полоснул взглядом по управляющему директору, а потом направился прочь из зала.

Пирожку же пришлось куда-то мчать, что-то решать, разруливать, переключать внимание, срочно придумывать акции на баре, чтоб народ забыл о сумятице.

Убедившись, что Веселова просто хлопнулась в обморок, он чертыхнулся сквозь зубы, неохотно вызвал скорую, а потом, оставив Амину за старшую, поплелся получать нагоняй от злого Имагина.

Он и приехал-то не в лучшем настроении, а что с этим самым настроением должно было случиться после инцидента, Жене страшно было представить.

К сожалению, пришлось не только представить, но и увидеть воочию. Имагин лютовал так сильно, что выглядел спокойнейшим из удавов.

Когда Женя вошел в кабинет, Глеб сидел на шефском кресле, сверля этим своим пугающе спокойным взглядом дверь. Как та не загорелась и не испепелилась, ну, или, в крайнем случае, не разлетелась на щепки – вопрос без ответа.

– Так что творится в моем клубе? – погрузившись в свои грустные мысли, Женя проворонил момент, когда положено было отвечать. То есть совершил стотысячную ошибку этого вечера в глазах Имагин.

– Она уже уволена, Глеб Юрьевич.

– Кто? – таким тоном разве что смертные приговоры выносить. Жене даже сначала послышалось – 'расстрелять', волосы на загривке стали дыбом.

– Неумеха, которая навернулась. Считайте, ее уже нет. Я загладил казус, никто и не вспомнит, репутация не пострадает...

– А она-то тут при чем? – Глеб склонился к столу, а Женечке стоило нехилых усилий не отпрянуть. Сесть на кресло для посетителей он так и не рискнул – лучше постоять, оно надежней.

– Ну как... – мужчина застыл, явно пытаясь сконструировать логическую цепочку, которая для него очевидна, а вот для Имагина, кажется, нет.

– Молчи, – оттолкнувшись от столешницы, Глеб отодвинул кресло, встал. – Когда я приезжал в прошлый раз, твои танцовщицы набухались. Просто взяли и упились в зюю, а потом поперлись выплясывать. Ты что мне сказал?

– Такого больше не повторится.

– Молодец, хоть что-то помнишь. А я что сказал?

– Что приедете через две недели.

– Опять молодец, а потом решил, что две недели для тебя маловато, дал месяц. Приехал. И что я вижу? На входе ни хрена никого не проверяют, на баре – разводят, сам ты светишься, а танцовщицы валяются из-за переутомления.

– Какое переутомление? – раз по другим пунктам ответить нечего, давить нужно на тот, с которым справиться легко и просто.

– А я откуда знаю, какое? Но ты хоть видел, в каком состоянии у тебя люди на работу выходят? Бледнющая немощь.

– Она уже уволена, я же сказал!

– А я сказал, что тебя уволю, если не разберешься с этим гребаным клубом.

– Я разберусь! – Женя поднял руки, одновременно капитулируя и будто прося не гнать лошадей.

– Разберись. – Имагин обошел стол, остановился в шаге от подчиненного, вперив взгляд прямо тому в глаза. – Разберись с торговлей всяких-яких веществ, которые если не крышуешь, то вроде как не замечаешь, с паленкой, с мышами или что там бегают по углам? Доделай ремонт, деньги на который выделялись год тому. Рассчитайся с долгами и выйди в плюс. Если сделаешь – останешься. Нет – лично выкину. А здесь детский сад открою. Выгоды уж точно будет больше, чем от любовно засраной тобой Бабочки.

Женя сглотнул, пытаясь не выдать, что поджилки трясутся. Ему-то собственные мелкие недомолвки, прегрешения, кражи по чуть-чуть, не по крупному, казались незаметными и простительными. А, оказывается, прощать их никто не собирается, и глаза закрывать тоже.

– Уяснил? – Имагин ждал ответа.

Но Пирожок боялся, что открой он рот, выдаст разве что невнятное бульканье, потому только кивнул.

– Проверю.

Глеб вышел из кабинета, спустился по лестнице, которой тоже только предстояло познать благости ремонта, прошел мимо гардероба на выход.

Проведи он еще хотя бы минуту в кабинете Женечки, тот проехался бы носом по столу. Это как минимум. Потому надежней было уйти.

Остановившись у машины, Глеб опустил руки в карманы, достал телефон, прежде чем набрать номер, несколько секунд поколебался.

– Алло... – голос Пира звучал неуверенно. Боится, мелкий пакостник.

– Девочку не трогай. Уволишь – узнаю, приеду и прибью.

Глеб рассоединился, не дожидаясь ответа.

Какое ему дело до девочки? А черт его знает. Позже разберется.

Настя не знала, сколько прошло времени от ухода Амины до приезда скорой, просто потому, что незаметно для себя провалилась в сон.

Разбудил же ее шум у двери, а потом и незваные, но нужные гости. Ей измерили давление, температуру, проверили глаза, диагностировали переутомление и удалились подальше от злачного места, чтобы продолжить нести в мир добро. Удивительно, что вообще приехали.

На пороге, когда, собрав чемоданчик, два врача собирались ретироваться, их настиг Пир. Настолько злой, что Пирожком его назвать бы сейчас не рискнули, даже на Женечку он не тянул.

Посчитав, что так сурово смотреть может только самый важный и серьезный здесь человек, врачи отчитались о состоянии больной перед ним:

– Общее утомление на фоне орви. Не смертельно, но несколько дней лучше полежать.

– Полежим, – Пир кивнул, дождался, пока врачи вместе с Аминой, которая любезно проводила их в нужную комнату, удалятся, а потом повернулся к Насте.

А она... Ну ведь не держалась за эту работу! Относилась к ней как ко временной. Как к постыдной. Так почему же сейчас сердце вырывается из груди в предчувствии отставки?

Пир постоял у двери, вздохнул деланно тяжело, а потом подошел к дивану, опустился на него, Настя в последний момент подтянула ноги, освобождая место.

– Ну и что это было? – говорил вроде бы не зло, и взгляд бросил не яростный... скорее уставший.

– Не знаю, давление скакнуло. У меня раньше никогда...

– А как выглядело, представляешь?

Настя представляла смутно. Но какие мысли могли закрасться в голову посторонних наблюдателей – догадывалась.

– Имагин лютовал... – Пир положил руку на поверхность дивана, будто невзначай задевая Настину ногу, она произвольно дернулась.

Отчасти, из-за прикосновения, но больше из-за того, что в памяти всплыл тот самый Имагин, который лютовал, а до того сверлил ее этим своим пристальным насмешливым взглядом. При мысли о нем в мозгу загоралась лампочка – красная. Красная, мигающая. А еще сирена – громкая. А еще табличка: 'не подходи, убьет', а еще...

– Сказал, чтоб я тебя уволил.

Вроде бы сердце ухнуло в пятки раньше, а теперь провалилось куда-то в подвал. Вот так. Кажется, история карьеры одной из бабочек, Анастасии Веселовой, окончена. Занавес. Можно без оваций.

– Понятно, – Настя попыталась встать. Доказывать никому ничего она не собиралась. Да, пусть грохнулась в обморок непреднамеренно, пусть могла бы еще и наехать на работодателя, который пытается распрощаться с ней, такой больной и немощной, в самый трудный момент, но смысла в этом не было.

Если тот, другой, сказал, что она уволена, значит, так и будет.

– Подожди, – на колено девушки опустилась теплая ладонь. Женя чуть сжал коленку, заглядывая в лицо растерявшейся Насти. – Но я его уговорил. Глеб орал, что такие как ты портят репутацию клуба, что гнать тебя нужно в три шеи, без выходного пособия. Хотел лично сообщить о своем решении...

В груди поднялась волна гнева. Это ведь он виноват! Это из-за него она в обморок хлопнулась! Не смотрел бы так пристально, не изучал бы, как зверушку в зоопарке, она бы спокойно оттанцевала ночь, а так... Сам же стал причиной, из-за которой теперь так просто, по щелчку пальца, избавляется.

– Все понятно...

– Да постой же ты! – коленку сжали еще сильнее, а потом будто невзначай погладили кожу с внутренней стороны. – Но я его уговорил. Поручился, оставил тебя под личную ответственность, так сказать, понимаешь?

Нет, пока Настя ничего не поняла, только сердце вернулось из подвала снова в пятки, явно что-то предчувствуя.

– Я отказался тебя увольнять, Настенька, сказал, что проблем с тобой больше не возникнет, правда же?

Девушка кивнула.

– Вот и славно. Но только ты не можешь теперь меня подвести. Никак не можешь. Придется делать все, что я скажу, иначе пострадаешь и ты, и я. Согласна?

Не совсем еще понимая на что, но Настя согласилась, кивнув. Важно сейчас было то, что ее, кажется, не уволили. Не уволили с такой ненавистной временной работы.

– Ладно, отдыхай, бабочка, – рука с ее колени благополучно перекочевала на щеку, а на лице Пира расцвета привычная Пирожковая улыбка. – Хочешь, отвезу тебя домой? Хотя нет... Черт, у меня еще работа. Могу заказать такси.

– Не надо, я с Олесей... – еще одна девушка – Олеся – жила неподалеку. Ей посчастливилось обзавестись собственным транспортом, благодаря которому Настя периодически добиралась домой без приключений и излишнего дорожного геморроя.

– Вот и славно, – мужчина встал, привычно окинул унылую комнатушку взглядом, отошел от дивана. – Знаешь, Настен, пора заняться твоей комнаткой. А то ютишься здесь, с этой лампочкой дурацкой над головой... Как идея?

Идея была... никак. Настю абсолютно устраивала эта самая дурацкая лампочка. Ее все устраивало, лишь бы над головой не висела угроза вылететь, ну и где-то впереди маячила хоть какая-то перспектива выбраться из этой временной ямы.

– Ну ладно, подумай, а я пошел.

Еще раз улыбнувшись, Женя выплыл в коридор, плотно затворив за собой дверь.

Настя же, с опаской, но попыталась встать, подошла к шкафу. Сначала прислонилась к нему лбом, пытаясь понять, на каком же она свете, а потом медленно, очень осторожно занялась переодеванием.

Сегодня она попадет домой невероятно рано. А завтра можно спать. И послезавтра тоже. А еще можно будет болеть, пить чай с лимоном и долго еще не думать о том, что снова придется вернуться сюда.

Это очень странно – с одной стороны ненавидеть место, от которого зависишь, а потом так пугаться гипотетической возможности лишиться этой самой зависимости. Но Настя жила с этим чувством вот уже добрый месяц. Сегодня оно просто сильно обострилось.

А все из-за этого босса над всеми боссами. Приехал бы он завтра или вчера – все обошлось бы куда меньшими жертвами, по крайней мере, для нее. Но нет, властелину над бабочками нужно было припереться именно сегодня.

Выходя из Баттерфляя той ночью, Настя очень надеялась, что больше не повстречает Глеба Имагина никогда.

Глеб вытянулся на кровати, закидывая руки за голову. Ну и что мы имеет в сухом остатке? Баттерфляй нужно либо спасти, либо в срочном порядке от него избавляться. Причем в крайне срочном – пока еще хоть какое-то имя осталось. Конечно, сделка может выйти не самая удачная, но это куда проще, чем реанимировать. Меньше денег, нервов и времени. Хоть ему и очень жаль.

В ванной что-то упало на пол, возвращая в реальность. Правда, ненадолго.

Конечно, этот вечер вряд ли можно считать для клуба показательным – Глеб надеялся, что подобные казусы случаются в нем не каждый день, но, на самом деле, обморок танцовщицы просто стал последней каплей в бочке его терпения.

Женя слишком расслабился, чувствуя себя если не царем и богом, то исполняющим обязанности этих должностей точно. Почему-то посчитал, что может творить все, что душе угодно, только не подумал о том, кто в результате будет нести ответственность. Поскольку ответственность все равно ложилась на Имагина, попуску давать раздолбаистому Пирожку он больше не планировал.

Кусок дурака, не иначе. Еще и крайнего нашел... Точней крайнюю. Решил, что уволит девочку, тем самым задоблив лютующего шефа. Хрен вам. Глеб отлично знал, из-за чего лютует, и причиной была никак не она.

А она... На нее было приятно смотреть. Необычно, что ли... Сразу бросалось в глаза то, что девочка новенькая. Двигается более скованно, чем другие бабочки, смотрит вроде бы осознанно, но постоянно сквозь. Получалось немного наивно, но, несомненно, красиво. Баттерфляй никогда не делал слишком большую ставку на своих гоу-гоу, руководство не заморачивалось организацией шоу-программ с участием бабочек, позиционируя их как элемент декора, милую фишку, и в роли этой самой фишки девочка смотрелась хорошо.

Непонятно только, почему так засмушалась, поймав его взгляд. Хотя... Похоже, смотрел он вправду слишком внимательно. Смотрел так, будто хотел, чтоб она поймала на подглядывании. Она поймала... и что дальше?

А дальше должно было произойти хоть что-то – какая-то реакция, желательная. Глеб был бы не против, чтоб на губах бабочки дрогнула улыбка, она улыбнулась бы, повела плечиком, а потом продолжила танец, заигрывая с ним. Этот сценарий его устроил бы. Он даже дождался бы новенькую, предложил подвезти... к ней или к себе, не так-то важно. Такое развитие ему нравился, а вот то, что девочка грохнулась в обморок – нет.

Он и сам не понял, как оказался на границе танцпола так быстро, но, черт возьми, испугался. Даже сейчас чувствовал зудящее волнение, ведь так толком и не узнал, что произошло, ничего ли бедняга себе не сломала.

Глеб сел в кровати, потянулся за телефоном. Отлично, Женечка будет безумно рад слышать шефа уже в третий раз за ночь, хотя теперь уже практически утром. И, главное, с очень любопытным вопросом, заданным безумно вовремя.

Дверь в ванную открылась, из нее выпорхнула собранная уже Юля.

С бывшими могут сложиться разные отношения. Кто-то ссорится в драбадан, перебив всю посуду в совместной квартире. Кто-то расстается друзьями, при этом один искренне считает, что разошлись они любовно, а другой чувствует горечь из-за того, что никакая дружба ему нахрен не нужна и его тупо бросили. Кто-то молча собирает вещи и пропадает из жизни. А у них с Юлей была своя модель расставания. Глеб не мог предложить своей бывшей то, о чем она так мечтала – кольцо на пальце и свою фамилию в паспорте. Не мог потому, что не хотел. Юля долго пыталась с этим бороться, а потом плюнула. Не Глеб, значит кто-то другой. Вот только до того времени, как этот 'кто-то другой', будет найден, отказываться от нерегулярного, но качественного секса – глупо. Вот уже два месяца они пребывали в состоянии расставания с нерегулярным, но определенно качественным сексом без обязательств. Глеба это устраивало,

Юлию тоже. Стоило ей перестать капать на мозг своими далеко идущими планами на мужчину, как он, наконец-то, смог оценить свою партнершу по достоинству.

Девушка подошла к кровати, опустилась на нее, сделала несколько 'шагов' на коленках к мужчине, дотянулась до губ.

– Я поехала, – поцеловала, расплываясь в улыбке. Сегодня она сделала бывшему сюрприз – приехала без предупреждения, благо, ключи от его квартиры до сих пор хранились у нее. Отдаст, когда обзаведется тем самым, который единственный и неповторимый. В смысле железобетонный кандидат в мужа.

– Могу сам отвезти.

– Не надо, – спустив ноги на пол, Юлия пошарила по ковру, нашла отброшенные не так давно лодочки. – Ты сегодня какой-то агрессивный, в постели хорошо, а вот на дороге – нежелательно.

Глеб хмыкнул, но настаивать не стал. Юлия взрослая девочка, предпочитает его компании компанию неизвестного таксиста – ее право.

– Пока, зайка, – девушка поднялась с кровати, игриво помахала пальчиками, а потом направилась прочь, покачивая обтянутыми юбкой бедрами. Красивая. Умная. Так в чем же проблема? Может правда стоило сдать, надеть это дурацкое кольцо и обзавестись парой детишек? Ей приятно, а ему... А ему не настолько дискомфортно, чтоб так артачиться. Хотя... Нет. Очень дискомфортно, слишком. Они даже жить вместе не смогли. Хотя пытались, целых два дня. Последней каплей стал ее станок рядом с его. Глеб смотрел тогда на эту странную пару – мужской синий и женский розовый и постепенно осознал, что вот так выглядит 'слишком'.

За девушкой захлопнулась дверь, Глеб поднялся с кровати, направился в ванную. Солнце постепенно поднималось над горизонтом, освещая спальню. Кому-то воскресенье, выходной, отличное время для выспаться, отъесть, повидаться с родными и близкими, а у него полная башка мыслей и ни шанса на сон.

В ванной еще пахло его гелем для душа, которым воспользовалась Юля, парил влажный воздух.

Глеб включил и отрегулировал воду, стянул футболку, в которую успел облачиться после бурного времяпровождения, подошел к зеркалу, по которому стекали капельки воды. Глянув на свое отражение, мужчина хмыкнул.

Юлия права, сегодня он какой-то излишне агрессивный. Женечка чуть с инфарктом не слег, девочку довел до обморока...

Женечку не жалко, девочку жалко. Интересно, как она там? В общем-то, это легко проверить. Достаточно смотаться в Бабочку. Сегодня она там вряд ли появится, значит можно отложить до следующих выходных. А для верности, узнать график работы все у того же Пирожка. Если спросит зачем, в очередной раз получит по голове. Не его ума дело. Да и внятного объяснения у Глеба не нашлось бы. Просто. Интересно.

Глава 4

– Настен, – поверх ватного одеяла, где-то в районе бедра, легла мамина рука. Не слишком охотно, но пришлось выплыть из сна. Собралшись с силами, девушка высунула нос из-под пледа.

– Доброе утро, – улыбнулась, пытаясь не шмыгнуть носом и не раскашляться.

Но мать ведь не проведешь. Вчера Насте удалось избежать расспросов – как ни странно, мама заснула, не дождавшись ребенка, но сегодня расспросы будут. По взгляду Натальи было видно, что она готова к долгому и основательному разговору.

Женщина потянулась к дочкиному лицу, коснулась лба. Как на зло – то ли горячего, то ли откровенно горящего.

– Настька, – в обращении слышался укор и жалость. Покачав головой, Наталья отправилась на кухню, разыскивать нужные лекарства, ставить чайник.

А у 'Настьки' сил хватило лишь на то, чтоб опять зарыться в одеяло, чувствуя, как тело время от времени сотрясается в мелкой дрожи.

Вряд ли можно заболеть вовремя, но с Настей это приключилось крайне не ко времени. Вчерашний эпизод в клубе – только начало, а дальше... Завтра первый экзамен. И если изначально девушка рассчитывала, что, заправившись неприличной дозой кофеина, потратит воскресенье на подготовку, то теперь не представляла, как сможет открыть глаза, не ощутив при этом адской боли.

Настенька влипла.

И пусть Наталья Александровна использовала весь доступный арсенал таблеток и чайных сборов, лучше Насте стало только вечером. Настолько лучше, что она смогла сесть в кровати, включить ноутбук, открыть нужные файлы. Информация не усваивалась, девушка скользила взглядом по экрану, а думать о том, что сочетание букв – это не простая бессмыслица, не могла.

В миллионный раз сдавшись, Настя опустила ноутбук на пол, кое-как сползла с кровати. Нужно было заварить чай, а для этого предстояло либо вызвать маму, которая наверняка и без того чем-то занята, либо сходить самой. Посчитав, что маму стоит пожалеть больше, чем себя, Настя склонилась ко второму варианту.

Остановилась лишь у письменного стола, на котором в тот самый миг ожил телефон, принимая сообщение.

'Имагин интересовался, когда выходишь в следующий раз. Будь готова, что он явится в следующую субботу. Не забывай, что я поручился за тебя'.

Настя не помнила, чтоб давала Женечке свой номер, но сообщение явно было от него. Ну что ж, так тому и быть. К следующей субботе она выздоровеет. Может, с треском провалит экзамен, зато выздоровеет.

А этот Имагин... Она видела его всего несколько мгновений, но этого вполне хватило, чтоб начать ее раздражать. Тем, что стал косвенной причиной ночного происшествия, тем, что хотел уволить, тем, что теперь 'взял под контроль'. Иначе зачем интересовался у Пирожка расписанием?

Насте не нравился этот человек. Пусть незнакомый, неизвестный, но она заочно решила зачислить его если не во враги, то в люди, которых стоит опасаться и избегать.

'Ок' – отправив ответ, Настя отложила телефон, направляясь на кухню. Мама была тут же, колдовала над ужином, который Андрюша с радостью слопаёт, не дав остыть, а Настя лишь поковыряет, не в силах проглотить и чайной ложки. Не потому, что невкусно, а потому, что не лезет. Ни конспекты, ни еда, ничего не лезет.

Забившись в угол кухонного диванчика, Настя подтянула ноги, укладывая подбородок на колени. Глянув на часы, девушка отмерила пятнадцать минут, которые можно потратить

на передышку перед очередным забегом глазами по печатному тексту, а потом перевела взгляд на маму, наблюдая за ее шебаршением.

Наталья заметила пристальное внимание, обернулась, даря дочке мимолетную улыбку, а потом опять занялась нарезкой.

– Звонил друг Вовы, если помнишь, дядя Миша, сказал, что услышал о моем сокращении, а ему в магазин нужен бухгалтер, так что если я хочу...

– А ты хочешь? – новость – удивительная, чудесная, прекрасная! Вот только в голосе мамы Настя не слышала того энтузиазма, который должен был бы появиться в связи с новой работой.

– Хочу, но... – женщина отложила нож, обернулась, печально глядя на дочку. – Вряд ли ему нужен бухгалтер. Они с женой отлично как-то справлялись все эти годы с бухгалтерией самостоятельно, просто... Он же обещал тогда твоему папе, что не оставит нас в беде, вот теперь и отдувается за слова.

– И ты откажешься? – Настя сделала большой глоток заваренного уже чая, пытаюсь скрыть волнение. Если мама получит сейчас работу, то она сама сможет с удовольствием распрощаться с Баттерфляем. Сможет прямо сейчас написать Женечке еще одно сообщение, мол, прости-прощай, Имагину – приветы. Сможет перестать подозревать в каждой встречной улыбке – насмешку над ней, перевернет страницу, тут же позабыв о последнем месяце.

– Уже отказалась.

– Мамочка... – Настя опустила лоб на колени, практически протонав обращение.

– Пойми, Настюша, они не должны взваливать на себя наши проблемы. Мои. Я сама все решу. Завтра иду на очередное собеседование. На этот раз мне наверняка повезет. Там и условия хорошие, зарплата достойная.

Настя не знала, что ответить. Конечно, взваливать свои проблемы на посторонних нельзя, но... Пусть мама ее не просила, но как-то так получилось, что она взвалила эти проблемы на себя. Взвалила таким образом, что признаться в нем родительнице не могла, но и альтернативами жизнь не баловала.

– Понимаю, просто...

– И я хотела поговорить о тех деньгах, что ты дала мне...

В очередной раз тяжело вздохнув, Настя подняла взгляд на мать.

– Ты где-то танцуешь?

Девушка кивнула.

– Не у Пети.

Мотнула головой.

– Вы тоже выступаете на корпоративах?

Неопределенное круговое движение, чтоб не соврать, но и правду не сказать.

– Тебя не обижают?

Быстрые и уверенные движения головой справа налево, чтоб даже подозрения не могло закрасться, что это не так.

– Тебе нравится?

Ну вот, а теперь придется либо молчаливо врать, либо изворачиваться, либо говорить правду без подробностей. Последнее – лучший вариант.

– Меня устраивает оплата, немного напрягает график и контингент, но, в конце концов, папа ведь как-то в ресторанах пел. А в девяностые люди там сидели разные.

– Пел, – Наталья кивнула, в глазах женщины проскользнула грусть. Привычная реакция на воспоминание о Владимире Веселове, муже и отце, которому не повезло дожить до этого дня.

Он был певцом. Не просто певцом, а эстрадным вокалистом, дипломированным, самым настоящим, с абсолютным слухом и красивым баритоном. Ему пророчили большое будущее.

Однокурсницы вздыхали, глядя в эти бездонные черные глаза, однокурсники завидовали, подраживая 'манекенщиком'. А Володе было наплевать. Он искренне верил в это свое большое будущее, стремился к нему. Правда потом встретил Наталью, студентку экономического факультета, влюбился, и планы на большое будущее как-то ушли на второй план, уступив место мыслям о завоевании красавицы. Красавицу он все же завоевал, взял в жены, и уже через девять месяцев нянчился с маленькой Аськой.

Где-то в это же время пришла мысль о том, что неплохо бы вернуться к планам на блеск будущего. Но никто ведь не ждал, когда он наиграется в семью, все предложения годичной давности давно утратили актуальность, а пусть и подающий надежды, но ветреный голосистый парень оказался никому не нужным.

Разозлившись на такой поворот событий, Володя решил, что пение – не для него, на зло кондуктору отправился работать на завод. Настя росла, денег чертовски не хватало, Наташа порывалась тоже пойти на работу, но Веселов отмахивался, раз за разом повторяя, что дома она нужнее, а с деньгами он разберется. Разобрался как мог – попросился петь в одном из местных ресторанов. Об этом ли он мечтал в юности, выслушивая хвалебные оды преподавателей и студентов? Нет. Претило ли это его гордости? Нет – когда твой ребенок хочет есть, тебе уже как-то не до гордости.

Настя помнила, как несколько раз они с мамой приходили вечером в ресторан, в котором работал Владимир, слушали папу, хлопали, уминая вкуснющие пирожные. Это было чуть ли не лучшее воспоминание ее детства, но только теперь, став на десять лет старше, Настя выудила из памяти безразличные лица 'благодарных' слушателей, звучно ржущих наперебой с папиным пением, братков, вкладывающих во время рукопожатия в ладонь отца купюры, делая заказ на десятый по кругу 'Централ'. Лучшее воспоминание для ребенка было печальными буднями взрослого, мечта которого разбилась о быт и необходимость выживать.

Владимир Веселов никогда не унывал, не жаловался – фамилия обязывала. Работал, пел, даже из своей ресторанной карьеры пытаюсь извлечь удовольствие, а по выходным у них дома собиралась компания друзей, вот тогда Володя и отводил душу. Мужчина брал в руки гитару, сначала дразнил всех переборами, на которые в грудной клетке Настюши что-то отзывалось довольным урчанием, потом хитро улыбался, отбрасывал с лица волосы, начиная сеанс гипноза своим голосом. Иногда к предложенным отцом песням присоединялись, раскладывая их на два, три голоса, но чаще предпочитали слушать. А Настя же всегда слушала и смотрела на своего бога, забывая закрыть рот. Он был идеальным. Красивым, сильным, смелым, добытчиком, самым умным. Это он отвел ее на первый урок в балетный класс. Он дома смотрел на ее потуги скрутить шене, предварительно раставив всю мебель по углам, чтоб маленькая не поранилась. Он гордился ею, приходя на открытые уроки. Он верил, что у дочки все будет не так, как у него. Видел Настю звездой балета, мечтал о том, как будет сидеть в партере, наблюдая за бенефисом собственного ребенка, и он добился бы своего. Непременно, обязательно. Если бы прожил больше, обязательно добился бы.

– Пел, но не от хорошей жизни, – Наталья, как и дочь, нырнула на время в воспоминания, а теперь медленно возвращалась в реальность, в миллионный раз проходя через осознание того, что былые годы не вернуть.

– Мамочка, все хорошо, – бросив еще один взгляд на часы, Настя поняла, что отведенное на отдых время подходит к концу. – Ты разберешься с работой, я не завалю сессию, найду место в какой-то школе, буду учить деток. На нас с неба упадет сундук с кладом, мы выиграем в лотерею, получим наследство от какого-то неизвестного заграничного родственника. Нужно только чуть-чуть потерпеть, и все у нас непременно будет хорошо.

Улыбнувшись, Настя встала с диванчика, схватила чашку с горячим еще чаем.

– Твои слова, да богу в уши, Настенька, – мама покачала головой, но спорить не стала. Развернувшись к доске, вновь занялась готовкой. – Через полчаса ужинаем.

– Угу, – выйдя из кухни, Настя сделала еще один глоток из чашки, качая головой. Сейчас девушке казалось, что со всеми их проблемами справиться может только тот самый сундук с кладом или счастливый лотерейный билетик.

Проходя мимо письменного стола, Ася активировала телефон, проверяя, не пришло ли новое сообщение. Пришло. Женечка побаловал ее смайликом. Таким многозначительно-миленькой подмигивающей мордашкой. Мол, 'ты помнишь, как много я сделал для тебя?' или 'будь умницей, больше не позорь меня перед Имагиным'. Фиг поймешь, что значит эта мордашка, но отвечать на нее точно не нужно.

Забравшись на кровать, поставив на колени ноутбук, Настя снова забежала взглядом по буквам. Со всем разбираться нужно постепенно. Завтра – экзамен, остальное – позже. А вдруг мама уже к субботе будет счастливой обладательницей новой работы, а она сама не менее счастливой обладательницей пятерки? Всякое ведь может быть.

Чуда не случилось. Пятерку заработать не удалось, зато получилось списать на неплохую четверку, работу мама пока тоже так и не нашла, но появилось несколько швейных заказов – все же пора школьных выпускных.

А еще Настя выздоровела, успела начать подготовку к следующему экзамену, вручить маме оставшиеся деньги и теперь с легким кошельком и тяжким сердцем собиралась на работу.

– Насть, а, Насть? – именно во время этой подготовки к ней в комнату и ввалился Андрюша. Ввалился без стука, плюхнулся на кровать, окидывая сестру загадочным взглядом.

– Что? – если раньше она лишь улыбнулась бы в ответ, то теперь занервничала. Насте казалось, что все и каждый в курсе того, где она танцует, а подобные взгляды будто кричат 'я все знаю! Ты у меня на крючке! Позор!'.
– А у нас сегодня такое было... – парнишка поиграл бровями, расплываясь в улыбке.

В такие моменты он становился безумно похожим на отца. Настолько, что мама иногда не сдерживалась, закусывая губу.

– Что же такого у вас сегодня было? – девушка закончила сборы рюкзака, повернулась к брату.

– У нас сегодня был урок полового воспитания.

– Да ты что? И вас прям так... на полу и воспитывали?

Андрей фыркнул, явно выражая свое мнение о плоской шутке сестры.

– Нет, бедняжка моя наивная. Нам рассказывали о том, как вредно заниматься сексом.

С какой гордостью он произнес последнее слово – загляденье просто. Наверное, и матерится с друзьями с такой же гордостью.

– Прямо так и сказали, вредно?

– Ну не совсем так. Скорей нежелательно... – Настя вопросительно подняла бровь, предлагая продолжить. Андрюша не разочаровал. – До определенного времени, а если уж приспичило, то...

– Андрюш, – нет, Настя явно переоценила свои силы. Говорить с братом о подобном она была не готова. Конечно, к маме делиться он не пойдет, с одноклассниками уже все что мог, обсудил, а папы нет. Но в себе сил на подобные глубокие философские беседы Настя не обнаружила. – Давай ты мне завтра это расскажешь, а пока я спешу.

– Куда? – не подав виду или реально не обидевшись, парень с радостью перевел разговор на другую тему.

– Работать, – Настя глянула на часы – шесть вечера. Лучше приехать раньше и посидеть в своей чуланистой примерке, чем выбираться из дому в ночь.

– Ох, Настька, будь я мамой, давно получила бы по пятой точке...

Сраженная наповал наглостью одного учителя-поучителя, Настя застыла с открытым ртом.

– Мелок ты еще, по пятой точке давать. Я тебя на семь лет старше, между прочим. Уж я тебя скорей ремнем отхожу, если вдруг невтерпеж станет.

Мальчик фыркнул, выражая сомнения в реальности угроз сестры. По пятой точке у них в семье не получал никто и никогда, они даже в углу-то толком ни разу не стояли, маме проказников было жалко, да и проказники не слишком зверствовали в свое время. Насте было некогда – танцы, занятия, музыкальная школа выматывали ребенка так, что на шалости не оставалось сил, а детство Андрюши вообще закончилось грубо, резко и безвозвратно. В семь лет он потерял право дурачиться как другие дети, ему пришлось стать единственным в семье мужчиной.

– А я серьезно, между прочим, – мальчик сел на кровати, сводя брови на переносице. – Знаешь, как она переживает? – парень даже голос понизил, как делалось всегда, когда им нужно было обсудить вопросы, в которые лучше не впутывать маму. – Думает, что ты связалась с плохой компанией, шляешься ночами, потом днями отсыпаясь, приезжаешь то на такси, то на непонятных машинах.

– Тебе-то откуда знать, на чем я приезжаю? – Настя ошетибилась, бросая на брата не самый дружелюбный взгляд. Ей не нравилось, что часть жизни, которую она сама возвела в ранг запретных в доме тем, как оказалось, волнует не только маму, но еще и Андрейку.

– Видел пару раз...

– И мама видела?

– Думаю, мама нет, у нее окна выходят в другую сторону, но это же дела не меняет. Ты что-то мутишь, Настька, я знаю.

Девушка опустила на стул, отыгрывая для себя несколько секунд на раздумья, взяла в руки носки, показательно медленно надела. Что сказать? Что не его дело? С одной стороны, да, действительно не его, а с другой... она ведь танцует в Бабочке именно для них. Для мамы с Андреем, чтоб им было легче, значит, дело их все же касается. Или посвятить мальчика в не самую геройскую правду? А потом? Следить за тем, как во взгляде брата появляется презрение? Нет, этого она не выдержит. Что тогда? Остается молчать, что она и делает.

– Не придумывайте то, чего нет, Андрюша. У меня все хорошо. Жива, здорова, при работе, компания у меня исключительно хорошая, веселая, милая, добрая, подвозящая под подъезд...

– С другой стороны арки, чтоб под парадным не видно было, ага... знаем мы таких подвозящих... – мальчик вновь насупил.

– Эй, – а до Насти наконец-то дошло, что брат имеет в виду. – Ты о чем думаешь вообще? Меня просто подвозят, потому что поздно, и нам по дороге!

– По дороге откуда?

– Не твое дело! – получилось громко и наверное резковато, но допрос Насте порядком надоел. Ей хватало того, что она тратит уйму нервов на собственные не слишком веселые размышления, а еще и перед братом оправдываться не хотелось.

– Ладно, – осознав, что сейчас дела не будет, парень пошел на попятные, примирительно поднимая руки. Напряжение в воздухе немного спало. – Ладно, я понял, что к разговорам ты не расположена, просто знай... Если кто-то хотя бы попытается тебя обидеть... – парень смотрел на Настю серьезно, такие же карие, как были у Владимира Веселова, излучали уверенность и неуловимо схожее с отцовским выражение, когда смотришь и знаешь – ты за каменной стеной. Когда-то Андрюша станет для кого-то невероятно хорошей стеной. – Скажи мне, я разберусь. Уяснила?

Настя уяснила. Сдержала улыбку, чувствуя одновременно благодарность, трепет и тоску, а про себя поклялась, что скорей сама разделается со всем миром, чем позволит жестокости коснуться этого маленького храбреца.

– Хорошо, защитник, – вскочив со стула, Настя коснулась щеки брата поцелуем, который тот тут же попытался тщательно оттереть, схватила сумку, направилась к двери.

Разговоры – это хорошо, но работу никто не отменял.

На входе в Баттерфляй Настя поздоровалась с охранником, который и вынес ее тогда из зала. Благодарность за спасение мужчина воспринял с таким же непроницаемым выражением, как теперь пожелание хорошего вечера. Люди здесь в принципе не отличались многословностью и эмоциональностью. Все девочки если и куролесили перед или после выступления в гримерной, то видно было, что это веселье дается с трудом, куда чаще здесь предпочитали исполнять свои прямые обязанности 'по уставу', не растрчиваясь на посторонние вещи. Настя такое поведение понимала и позицию сослуживцев вполне разделяла.

Прошла в полутемное помещение, махнула несколько раз рукой, приветствуя знакомых, направилась по коридорчику мимо общей гримерной в свою каморку.

– Стой, – Амина выросла будто из-под земли, преградила дорогу. Несись Настя немного быстрее, влетела бы в приму бабочек с хорошего такого размаху.

– А? – отступив, Веселова вскинула голову, встречаясь с лукавым взглядом Амины.

– Пирожок просил тебя зайти, когда появишься.

– Спасибо за информацию, – Настя скривилась, не слишком стараясь сдержать эмоции.

Амина хмыкнула, но развивать тему не стала, бабочек объединяло многое, в том числе все были в курсе, как это, когда Женечка пытается удачу в охмурении одной из них.

Бросив сумку в гримерной, Настя направилась в кабинет к Пиру. Принцип 'быстрее сядешь – быстрее выйдешь' здесь действовал безоговорочно, а еще не приди она сама, его величество директор обязательно припрется к ней, чтобы потом, сидя на диване, подбирать удобное для подглядывания за переодеванием положение.

– Привет, – Женечка был рад видеть подчиненную намного больше, чем она его. Улыбнулся, вскочил навстречу, проводил от двери до софы, устроился рядом, заглянул в глаза, взял ее руки в свои ладони. Настя испытала состояние дежавю. Вспомнился последний разговор с Петей. – Как ты себя чувствуешь? – во взгляде управляющего загорелось волнение.

– Все хорошо, спасибо. Простуда прошла, больше эксцессов не будет...

– Да какие эксцессы... – Женечка выпустил ее пальцы из ладони, чтоб картинно ею махнуть. Мол, как ты только подумать-то могла, что меня интересует что-то, кроме твоего здоровья и благополучия? – Главное, чтоб ты была жива-здоровая, а еще довольна, – он улыбнулся, проводя по Настиной щеке. Она чуть отклонилась, руку Женя убрал, но запала меньше не стало.

– Я здорова.

– Вот и славно, – одарив девушку очередной улыбкой, Женя на какое-то время умолк, к сожалению, ненадолго. – Ты же понимаешь, что мне важно твое здоровье, но Имагин... В общем, мы снова ждем его сегодня, пожалуйста, сделай так, чтоб он не смог придраться. Он уже тогда хотел вышвырнуть тебя на улицу, только положившись на мое честное слово, и согласился оставить. Не подведи себя... и меня, хорошо?

Сцепив зубы, Настя кивнула.

В голове мелькнула мысль, что лучше б вышвырнул. Так ей не пришлось бы сейчас осознавать, что она по доброй воле держится за место, которое когда-то работой не считала. А еще виденный всего раз Имагин жутко раздражал.

– Славненько, – Пирожок улыбнулся, встал с софы, сделал несколько шагов к столу. – И вот еще... – посмотрел задумчиво, а у Насти, которая интуитивно поняла, что последует за этим 'еще', возникло желание провалиться сквозь землю. – Что ты делаешь завтра?

– Сплю.

– А когда выспишься? – мужчина не планировал отступать, склонил голову, продолжая разглядывать ее спокойное лицо.

– Отмокаю в ванне.

– Мммм... – Настя поняла, что ляпнула лишнего только после того, как это самое лишнее отправилось колесить по миру звуковой волной. – Хотел бы предложить сделать это вместе, но мы пока недостаточно близки.

Стоило, наверное, сказать, что 'пока' в их случае – категория, стремящаяся к вечности, но Настя прикусила язык. Хамить Пирожку не за что. В конце концов, он действительно спас ее от увольнения, на самом деле поручился перед Имагиным, взял на себя ответственность и проявил доверие, которое она не может предать.

– А как ты относишься к тому, чтобы поужинать?

Она относилась к этому крайне отрицательно. Помня негативный опыт отношений с Петей, относилась отрицательно, глядя на Женю и видя, что читается в его глазах, относилась отрицательно, не чувствуя в себе даже намека на возможность ответного желания, если уж о чувствах говорить смысла нет, тоже относилась отрицательно, а ответила... положительно.

– Хорошо.

И все из-за чертова босса над всеми боссами.

Не появись он тогда в клубе, она не ходила бы в должниках у Пирожка и могла бы спокойно продолжать динамить его. Теперь не может.

– Вот и славно, твой номер у меня есть, завтра жди звонка, – Пирожок подмигнул, возвращаясь к своим делам.

Отлично. Если раньше она просто танцевала в ночном клубе, чего стыдилась, теперь еще и ужинать пойдет с шефом, в качестве благодарности за то, что не уволил. Собственная жизнь все больше напоминала дешевый и пошлый сценарий, по которому играть не хотелось. Осталось только переспать... в знак признательности за спасение перед Имагиным, а потом быть с треском вышвырнутой.

Не желая думать о подобном, Настя с небывалым энтузиазмом и яростью занялась собственной подготовкой к выступлению. В конце концов, сегодня у нее важный день – Имагин явно имеет на нее зуб, и этой ночью она обязана сделать так, чтоб мужчине с тяжелым взглядом не к чему было придраться. Не ради Женечки, который поручился собственным весомым честным словом, а ради себя самой. Веселовы не сдаются! Веселовы не тушуются и не пасуют. Если Веселовым бросают вызов, они его принимают, а потом с достоинством борются. Возможно, не всегда побеждают, но никогда не убегают, поджав хвост.

На веки легли небывало хищные стрелки, стянутые раньше в тугую косу волосы рассыпались по голым плечам.

Всю субботу Глеб провел в предвкушении. Занимался делами, то и дело поглядывая на часы, отвлекался от разговоров, устремляя взгляд в окно, периодически зависал, продолжая скользить по строчкам документов, но, по факту, не улавливая смысла написанного. Что предвкушал? Фиг знает. Просто стоило пробить восьми, рванул домой – переодеться, а потом в Бабочку – инспектировать.

– Вот то, что просили, Глеб Юрьевич, – Пирожок подошел к столику за которым, как и в прошлую субботу, восседал Имагин, протянул стакан с водой. Улыбка воодушевленного до крайности Женечки потухла, стоило Глебу взять из его рук стакан, просто кивнув. Ни тебе благодарности за невероятную щедрость – сам! метнулся за водой, ни тебе одобрения, что она правильной консистенции и температуры. Нифига.

Пару минут тому началась ночная программа, а народ уже был откровенно доволен, Пирожок практически светился, считая, что довольная толпа – исключительно его заслуга и победа, а еще его победа в том: что сегодня обойдется без эксцессов с гоу-гоу, что охрана на входе крайне деликатно зверствует, шманая всех и каждого, что в качестве важной ремонтной работы, в каморке был повешен целый шар-плафон. По его мнению, он отлично справился с указаниями Имагина, не хватало только его подтверждения этого неоспоримого факта.

А подтверждения все не было. Глеб смотрел на сцену, время от времени поднося стакан к губам.

– Может, пойдем в кабинет, там обсудим дела? – Пирожок предпринял очередную попытку привлечь к себе внимание Имагина, оказавшуюся предсказуемо провальной.

– Пойдем, когда я скажу, – Глеб бросил на Женечку быстрый взгляд, а потом вновь устремил его на сцену.

Последний трэк, нет, вот этот последний, хотя нет еще один... Народ происходящим, конечно, доволен. Но проблема в том, что народу всегда мало, и вот поэтому с минуты на минуту на сцену должны выпорхнуть бабочки. Сделать это быстро и органично, пока потенциальным клиентам на баре не наскучило однообразие. Отгремел последний аккорд, секундная заминка и...

Наконец-то зал наполнила куда более ритмичная музыка, бабочки заняли свои места...

Настя совершенно не удивилась, практически сразу же поймав на себе взгляд мужчины, сидевшего за тем же столиком, что неделю тому. Конечно, он пришел. Конечно, пялится теперь. Конечно, ей не мерещится, и темнота не мешает разглядеть, как губы подрагивают в подобии улыбки.

Она понятия не имела, что творится в голове мужчины, но ее почему-то практически распирало от гнева, а еще от желания доказать, что он ошибался, требуя ее уволить.

Настя была уверена в своих силах как никогда. Дело не в том, что она не должна подвести Пирожка, не в том, что сегодня у нее вроде как проверка боем, не в том, что если она оплошает еще и сегодня, ее вышвырнут, предварительно конфисковав ажурные крылья. Нет. Настя просто мысленно объявила войну прожигающему в ней дыры мужчине, и эту войну собиралась победить. Она знает, как нужно танцевать, чтоб в горле пересохло. Любая женщина знает. И сейчас победой для нее стала бы именно такая реакция Имагина. Пусть осознает, что смотрит и не может оторваться, что хочет... как любой малолетка и не особо малолетка, отплясывающий на паркете.

– Смотри-смотри, – Настя бросила уверенный взгляд в сторону ненавистного, но безумно важного зрителя, демонстрируя, что сегодня ее не сбить с толку этой пристальностью и таким концентрированным вниманием. Повела плечом, улыбнулась, подмигнула. Ему... а потом скользнула взглядом по соседним столикам, делая то же самое. Чтоб не думал, что представление только для него. Фигушки. На войне все средства хороши.

Настя знала, насколько эффектно смотрится, что хорошо двигается, что стразы на крыльях поблескивают, кожа под светом прожекторов приобретает необычный красивый оттенок. Не лучше и не хуже, чем у остальных девочек, просто они о подобном вряд ли думают, для них – это все не союзники в войне с самоуверенным самодуром, посчитавшим, что ее стоит уволить за один промах, который даже и не промах вовсе.

Отдаваясь движениям, ритму, бурлящему в крови упрямству и решительности, Настя периодически поглядывала в сторону того, ради которого сегодня устраивала свое личное шоу. Имагин даже не моргал. Стакан давно пуст, Женечка что-то блеет, то и дело облизывая губы, стоит глянуть в ее сторону, а Глеб Юрьевич сканирует ее взглядом куда более внимательным, чем тот, под которым она когда-то хлопнулась в обморок.

Наверное, то, что она делала – игра с огнем. Она ведь понятия не имеет, с каким человеком играет. Возможно, он опасен, возможно, неправильно трактует это ее выступление. Но думать об этом было уже поздно. Тело откликлось на заданный разумом азарт, а его ответные взгляды подначивали продолжать до победного. И она продолжала, не зная толком, как должна выглядеть эта самая победа, к которой Настя так стремится.

– Видите, я поговорил с ней. Больше никаких проблем не возникнет, а если возникнет, поверьте, вылетит тут же, как пробка. За те деньги, что мы платим, найдем куда более талантливых, надежных... Но сегодня старается... Явно старается.

Глеб кивнул, потянулся к пустому уже стакану. Старается. Зараза...

Так старается, что встать сейчас он не рискнул бы. В прошлый раз девочка привлекла его внимание тем, что отличалась от других бабочек. Была немного наивной, где-то скованной, это бросалось в глаза, но не потому, что раздражало, наоборот – привлекало. Все тянутся к необычному, он не стал исключением. Сегодня она тоже вела себя необычно, но уже не так. Теперь на танцовщицу не смотрел только ленивый, коих в зале было не так много, а она заигрывала с каждым. С каждым, будто с единственным. И с ним тоже. Глебу почему-то до чесотки нужно было верить в то, что на него смотрит дольше, чем на других, что огонек в глазах загорается только в моменты встречи этих глаз с его взглядом. Он когда-то с удовольствием смущал девочку, а теперь она сама могла смутить кого угодно. Или завести... Или довести.

Глеб махнул рукой, привлекая снующего по залу официанта.

– Воды принеси, – тот кивнул, тут же исполняя заказ. Очередной стакан пуст, а легче не стало. Легче будет только когда она прекратит. А еще лучше, когда он схватит ее за руку, затащит в угол потемней, а там уж, наедине, познакомится и выяснит, что зараза вытворяет. – Идем.

Приложив нечеловеческие усилия, Глеб перевел взгляд на Пирожка. Сжал челюсти, замечая, что Женечка смотрит так же как он сам недавно, причем в том же направлении, а потом все же заставил себя успокоиться. Выбросить из головы лишнее.

– Идем, – Пир тоже встал, а потом засеменил вслед за Имагиным, то и дело оборачиваясь, чтоб еще раз напоследок глянуть на Настю, которая сегодня на самом деле дала жару. Жене хотелось верить, что старается для него. Хотя... Для кого же еще? Конечно, для него! А завтра он поведет эту цыпочку ужинать, ну и не только ужинать...

Настроение моментально приподнялось, даже разговор с Имагиным уже не напрягал.

Выходя из зала, Пирожок обернулся в последний раз. Нашел взглядом Настю, утвердился в своем мнении окончательно – она определенно танцевала для него. Почему? Все очень просто. Стоило ему уйти, как бабочка погасла. Нет, она продолжала заводить толпу, но уже без того огонька, без азарта – погасла, потухла, сдулась.

'Не волнуйся, девочка, скоро вернусь, снова загорись', – еле сдержав улыбку, Пирожок помчал вверх по лестнице за Имагиным. Все-таки он молодец, что взял тогда Настьку на работу.

Если придется, уволит, конечно, но удовольствие получить успеет.

Заметив, что ненавистный незнакомец-Имагин встал, Настя почему-то разволновалась. На несколько секунд застыла, забыв обо всем – танце, музыке, людях.

Представила, как он выходит на танцпол, протискивается к ней, а потом тянет за руку, вызывая на серьезный разговор. Настя не знала, откуда у нее появились такие мысли, но картинка стала перед глазами достаточно яркая. Но нет, он отвернулся спиной, бросил что-то Женечке, а потом направился прочь.

И вот тут тоже фантазия сыграла злую шутку. Настя практически услышала что-то подобное 'расстрелять', адресованное Женечке, как исполнителю, и ей, как тому, кого касается приказ. Но нет. Судя по всему, сказал он что-то другое, так как Пир встал, засеменил следом за мужчиной.

Кажется, представление ему надоело, наскучило... Опомнившись, Настя вернулась к исполнению своих прямых обязанностей, но уже не так... Сама это почувствовала. Будто по носу щелкнули. Будто показали, что ее игры – глупые и детские. И взрослых серьезных мужчин ими не зацепить. Она хотела маленькой мести? А получилось... Ничего не получилось. Да,

Имагин снова, как тогда, с интересом наблюдал за тем, как она изображает из себя бабочку, но ушел не так, как хотелось ей – чтоб в раздрызганных чувствах и злой, а так, как считал нужным он – когда наскучило.

Своим уходом будто показал, что тягаться с ним – дурное дело. Хотя ведь так лучше? Лучше, чем тот сценарий, который представила себе девушка. Нельзя играть с огнем. Такие игры никогда не заканчиваются ничем хорошим. Особенно для бабочек.

В ту ночь домой Настя уехала на такси. Олеся предлагала подвезти, но Веселова отказалась. Хотелось побыть наедине с собой. Погрустить, что ли...

Судя по всему, испытание она прошла. Во всяком случае, пришедший после закрытия Пирожок не сообщил о том, что она уволена. Напомнил о планах на вечер, похвалил, зачем-то подмигнул и смылся.

Настя кисло улыбнулась, кисло собралась и кисло вышла. Ей все было кисло и противно.

– Дала жару, молодец, – в коридоре она встретилась с Аминой, которая, даже переобувшись в обычные кроссовки, поражала своей грацией.

Настя пожала плечами, не зная, что ответить. Дала. Отрицать смысла нет, подтверждать тоже...

– Только ты не переусердствуй, подруга, – Амина шла немного впереди, ее лица Настя не видела, улавливала только интонации. Теперь эти самые интонации были серьезными. – Ты-то просто глазками сверкаешь, а какой-то придурок может подумать, что провоцируешь. Не рискуй. Поверь, последствия тебе не понравятся...

– Какие последствия?

– Плохие, Настенька. Очень плохие.

Амина ускорила шаг, оставляя Настю брести до двери в компании своих мыслей.

Да уж. Дура. Только дура может расстраиваться, что не смогла взбесить незнакомого мужика. Ведь она, по сути, хотела взбесить. А он оказался крепким.

Ну и плевать. Главное, что теперь, по словам Пирожка, можно спокойно жить еще долго. В ближайшее время Имагин на горизонте не появится, а она... Она прислушается к словам Амины. К очень правильным словам человека, который, кажется, знает, о чем говорит.

Глава 5

– Опять? – Андрюша привычно уже ввалился в комнату без спроса, окинул сестру суровым взглядом.

– Что? – Настя обернулась, отложила расческу, с помощью которой соорудила максимально приличный и непретензионный хвост.

– В ночь из дому?

Закатив глаза, девушка взяла в руки блеск для губ, провела по нижней.

– Ты что, пытаешься меня сторожить?

– Ну раз маме это делать не позволено, то хоть я...

– Все маме позволено, – Настя ощетинулась, забросила блеск в сумочку. Да, как-то так случилось, что она уже очень давно не спрашивала у мамы разрешения ни на что. Но это не так-то ужасно, страшно другое – она даже в известность ставила далеко не всегда. Уходила, забыв предупредить, когда придет, придет ли, а мама не решалась спрашивать. Глупо, но не чувствовала себя в праве что ли...

– Так куда ты собралась?

– Ужинаю с молодым человеком.

'Являющимся моим работодателем, а работаю я, между прочим, танцовщицей в одном из клубов, о котором ты определенно слышал. Ну и на ужин с ним я иду потому, что обязана, так как хлопнулась в обморок перед еще одним работодателем, а этот вроде как меня перед тем прикрыл'. – Настя прекрасно представляла, как вытянется лицо брата, скажи она это вслух, потому промолчала.

– Что за молодой человек?

– Андрюш... – тяжело вздохнув, Настя подошла к брату, потрепала того по вполне всклокоченной голове. – Обещаю, я вернусь не поздно, все будет хорошо, никто меня не украдет, не убьет, выкуп с вас не требует, только не морщи лоб.

Морщить лоб, конечно, никто не перестал, хотя бы из природного чувства противоречия, но и вопросов больше не задавали.

Андрей все же прав. Их жизнь сложилась так, что Настя давно не нуждалась в одобрении своих действий, а мама с братом не чувствовали себя в праве одобрять или нет.

Выйдя из подъезда, Веселова оглянулась, разыскивая машину Пирожка. Нужный ей седан стоял у соседнего парадного. Видимо, перепутал. Ну и хорошо. Настя не горела желанием сообщать Жене свой адрес, искренне надеясь, что подобные знания впредь ему не понадобятся.

– Привет, – девушка нырнула в машину, улыбнулась водителю, который неожиданному появлению был немного удивлен. Видимо, задумчиво вглядывался вдаль, ожидая увидеть спутницу на этот вечер в другой стороне.

– Привет, – расплывшись в улыбке, Пир потянулся к Насте, собираясь облобызать... Облобызать то, что подставят. Ася подставила щеку.

– Куда мы поедем? – девушка устроилась удобней, натягивая юбку ниже на колени. Дома перед зеркалом она не казалась такой неприлично короткой. И блузка не казалась такой непристойно прозрачной, а еще вырез на ней определенно был намного более скромным.

– Поужинаем в одном хорошем месте, а потом... Поужинаем, в общем, – Женя улыбнулся, подмигнул, завел мотор.

За подготовку к вечеру кавалеру можно было ставить твердую тройку. Не двойку только потому, что удосужился заказом столика, прежде чем предложить поехать к себе. В том, что такое предложение поступит, Настя не сомневалась. А весь день вместо того, чтобы спать, потратила на проигрывание разнообразных комбинаций по избеганию этой чести.

Машина рванула с места, салон заполнили басы клубной музыки. Такое впечатление, что ему этого дерьма... музыки на работе не хватает.

Насте улыбнулись, она улыбнулась в ответ, а потом повернулась к окну, следя за тем, как бабушки на лавке у этого, соседнего с ее собственным, подъезда провожают авто осуждающими взглядами. Ну вот. Приукрасят и завтра донесут куда следует.

Будешь ты завтра, Настенька, главной героиней истории 'проститутка с наркоманом'. Или 'наркоманша с проститутком'. Суть та же. Настроение с каждой минутой взлетало все 'выше'.

– Счет, пожалуйста, – официант поклонился, кивнул, а потом отошел.

– Прости, что не смог днем захватить в офис, – собеседник Глеба потер шею, пытаясь справиться с ноющей болью в мышцах. – Куда не глянь, везде засада.

– Зато поужинали по-человечески, – Глеб усмехнулся, бросая очередной взгляд вглубь зала, немного правее локтя собеседника.

– Да, ну и вопрос решили. – Собеседник склонил голову, вглядываясь в лицо Имагина. Тот вел себя немного странно. Вроде бы был здесь, внимательно слушал, задавал вопросы и отвечал, но, в то же время, находился где-то далеко. Не всегда. Только в такие моменты, как этот...

– Да, – моргнув, Глеб снова сфокусировал взгляд на собеседнике. – Решили. Ты возьмешься за это?

– Возьмусь, разве у меня есть выбор? Мои люди напортачили, мне же исправлять.

– Поверь, твои портачат не больше, чем мои, – еще один взгляд сквозь собеседника был каким-то тяжелым.

– Проблемы?

– Нет. Все решаемо, просто... бесит.

Собеседник усмехнулся. Он прекрасно понимал, как это, когда тебя что-то бесит. Или кто-то. Ему перепала тяжелая участь. Бесить его – любимое занятие окружающих дорогих сердцу женщин. Причем он согласился на эту участь добровольно и даже ни капли об этом не жалел.

– А как у вас дела?

– Ничего, – мужчина пожал плечами, улыбаясь. – Ждем.

– Когда ждете-то?

– Месяцев через пять.

– Кого?

Мужчины снова усмехнулись, синхронно.

– Так я тебе и сказал. Кого надо, того ждем.

Капитулируя, Глеб поднял руки. Не хочет, пусть молчит. В конце концов, все вокруг и так судачат о том, кто кого ждет больше, чем о скачках валюты.

– Ну и как оно? Тяжко? – заметив, как Глеб в очередной раз скопил взгляд, собеседник не сдержался от того, чтоб закатить глаза, но промолчал.

– Тяжко будет потом. А сейчас терпимо. Знаешь, почему терпимо?

Глеб вновь посмотрел на мужчину напротив, помотал головой.

– Потому, что я должен терпеть.

Сколько было отчаянья в этих словах. Истинная мужская боль, которой делиться можно только с такой же жертвой. Потенциальной, бывшей, реальной. Жертвой высочайшего из чувств – любви.

– Я никогда не подпишусь на такое, – и прочитав эту самую боль, Глеб в очередной раз зарекся на удочку этого высочайшего не попадать. Нервы дороже, жизнь важнее, он не готов, он слишком молод.

Собеседник посмотрел на Имагина недоверчиво, потом еще недоверчивей, потом совсем безнадежно недоверчиво. Подпишется. Как пить дать подпишется, причем добровольно, с удовольствием, а потом будет страдать и терпеть! Потому что за удовольствие нужно платить.

– Спорим?

– Тебе мало споров? – собеседник непроизвольно скривился.

– Нет. Пожалуй, не мало.

– Что, кстати, они?

– Ничего. Он страдает не меньше, чему я безумно рад. Ну а она... Знаешь, мне своей хватает, я предпочитаю посторонних избегать.

– Ты становишься социопатом.

– Психом я становлюсь, Имагин. Психом.

– Ничего, скоро все закончится...

Собеседник застонал, откидываясь на спинку кресла. Воспользовавшись паузой, Глеб снова бросил взгляд наискось.

– Кого ты там высматриваешь? – не выдержавший этого мужчина обернулся, пытаясь понять, что так настойчиво приковывает к себе взгляд Глеба на протяжении вечера.

Понял. Девушка сидела к ним вполоборота, нервничала, водила пальцами по салфетке, при этом дежурно улыбаясь мужчине-собеседнику, который в этот самый момент встретился взглядом с Имагиным.

– Знакомые? – вопрос адресовался Глебу, тот в ответ лишь кивнул.

А потом на них посмотрела уже девушка.

Что может быть чудесней, чем вечер в компании Женечки? Его несмешные шутки, двузначные фразочки, вечные попытки уцепиться за руку, провести по щеке, помять мочку уха, черт возьми. Видимо, в поисках эрогенной зоны, который в том месте у Насти нет. Хотя куда бы Женя не ткнулся, сейчас в ней эрогенных зон не было вообще, только зоны раздражения и еще большего раздражения. А все почему? Ах да, что может быть чудесней, чем вечер в компании Женечки? Только вечер в компании Женечки, когда через два столика сидит не кто иной, как Глеб Имагин.

Настя заметила его далеко не сразу. Просто в какой-то момент почувствовала зуд, а еще уши загорелись. Бросив взгляд направо, девушка поняла, почему.

Имагин сидел лицом к ней, смотря в упор. Не так, как обычно в Бабочке – выжигюще-прожигающе. Он был удивлен, наверное, не меньше чем она. Но она-то тут же опустила взгляд, дежурно кивая лепечущему Женечке, а Имагин оторвался не сразу. И все было бы хорошо. Правда, она забыла бы о присутствии ... нежелательного объекта, он затерялся бы в общем шуме, за музыкой, снующими людьми, гамом, но Имагин периодически напоминал о себе, бросая взгляды. Будто медом намазано. Скользнет, задержится на пару секунд, а когда она обернется, чтобы зло сверкнуть глазами в ответ, он уже вновь смотрит на собеседника. Кивает, улыбается, что-то говорит, а потом опять... Эти гляделки уже порядком надоели. Надоели настолько, что Настя всерьез раздумывала над тем, чтобы встать и... Нет, не подойти и спросить напрямую, чего он хочет. Чего уже две недели хочет. Встать и уйти.

Но в тот момент, когда эта мысль оформилась окончательно, Имагин был замечен Пиром. Замечем, обрадован, щенячьим восторгом одарен.

– Подождешь секундочку, я отойду, – Настя кивнула, не видя смысла сопротивляться или артачиться.

Сама подходить к тому столику она не собиралась. Формально, с Имагиным она даже не знакома, ведь и словом не перекинулись. А плестись за Женечкой... Как кто? 'Гоу-гоу из клуба'? Или 'тёл... девушка Пира'? Да и зачем?

Взяв со столика бокал, она поднесла его к губам, бросая косой взгляд вслед за Женечкой. Нет, подходить она определенно не собиралась, но подсмотреть жутко хотелось.

И почему Настя не удивилась, вновь встретившись взглядом с Имагина?

Да, он заметил Пира со спутницей намного раньше, чем Настя его. Да, бросал взгляды, почему-то надеясь на то, что она осознает, что за ней наблюдают. Да, обрадовался, когда осознала, кажется, разозлилась.

А вот он не злился. Забавлялся, ну и немного любовался. Наверное, пришло время признать, что ему нравится девушка, с которой он еще даже ни разу не разговаривал, а только разглядывал издали. Люди считают такое поведение маньячьим? Вполне возможно, только он не опасен. Смотреть смотрит, руками не трогает. Пока.

– Глеб Юрьевич! – Пир подошел к их столику, протянул руку. Прежде чем ответить на рукопожатие, Глеб окинул его серьезным взглядом.

Чего уж греха таить? Ему не понравилось видеть бабочку в компании Пирожка. Не так, чтоб прям тут же бить ему морду – не за что, но осадочек остался. 'Осадочек', который лег ровным слоем поверх приличного такого 'осадища' по результатам проверки в Баттерфляе.

– Познакомься, это Евгений Пир, управляющий в Баттерфляе, – собеседник кивнул, протянул руку, тоже здороваясь, представился, а Глеб на пару секунд отвлекся, чтобы встретиться взглядом с бабочкой.

Шпионка следила за происходящим, маскируясь с помощью бокала. Любопытная. Так почему не подошла? Наконец познакомились бы.

Хотя Глеб быстро отбросил подобные мысли. Познакомиться с ней, как со спутницей Пирожка, не хотелось.

– А вы здесь...

– Отдыхаем, – Пирожок обернулся в сторону своего столика, подмигнул Насте. Та чуть не подавилась, бедняге пришлось ставить бокал на стол и прокашливаться. Глеб же, увидев такую реакцию, фыркнул, а потом кашлянул пару раз, не давая себе расплыться в улыбке. Ему польстило, что она отреагировала на фамильярный жест Пирожка именно так.

– А мы работаем, – нет, сдержать улыбку не получилось, когда Глеб возвел глаза к лицу Пира, сиял ярче пятака. И пусть Женя не поймет, почему работодатель светится, это тоже не расстроило. Вот заигрывай девушка с Пиром весь вечер, тогда Имагин, может, расстроился бы.

– Удачно поработать, а я тогда...

– Иди-иди, – Глеб улыбнулся еще шире, вновь смотря на спутницу Пирожка. – Бабочке привет.

– Передам.

Пир откланялся, закрывая собой весь обзор. Хочешь не хочешь, пришлось перевести взгляд на собеседника.

– Кто она? – он же, склонившись к столу, заговорщицки подмигнул.

– Бабочка.

– В смысле?

– Танцует в Баттерфляе.

– Стриптиз, что ли?

Глеб фыркнул, почему-то разозлившись.

– Нет.

– Ладно, – холодность тона собеседника проняла, настаивать на дальнейшем разговоре он не стал. Замолчал... на пару секунд. – Но у тебя с ней что-то...

– У меня с ней контракт. Подписывал Пирожок, этот штрих, – Имагин еле заметно кивнул в сторону все того же столика, – но клуб мой и деньги плачу я, потому...

– Потому по ресторанам она ходит не с тобой.

– А должна со мной?

– Ну... Судя по тому, как мило вы играете в гляделки, ты не против, да и она...

– Ладно, все. Ты устал, тебе нужно отдохнуть, тебя дома ждет жена, дети...

Знал же, стервец, на что давить. Собеседник застонал, запустив пальцы в непослушные волосы.

– Идем? – расплатившись по счету, мужчины встали.

– О чем вы говорили? – задать вопрос Настя попыталась максимально спокойно и лениво. Вроде как ей это совсем даже не интересно, ни капельки не важно, в голове не роится туча мыслей, о том, почему этот гад улыбался, глядя на нее. Не этот... тот.

– Поздоровались просто, – воспользовавшись растерянностью девушки, Женя наконец-то сцапал ее за руку, потянул к губам, чтобы облобызать вдоль и поперек. Облобызал, Настя даже вырваться не пыталась, только почувствовала жар, когда мимо, не обратив никакого внимания, прошли мужчины с соседнего столика.

– А они что тут...

– Воскресенье, Настена, все отдыхают. Кто отработал, отдыхает, и кто палец о палец не ударил, а только указания раздавал, тоже отдыхает.

Нет, Женя определенно любил и ценил себя куда больше, чем это было задумано природой. Умение похвалить себя на ровном месте – его конек.

– Может, поедем уже? – он отпустил девичью руку, заглянул в зеленые глаза. – А?

– Да, хорошо, – Настя кивнула, нервно улыбаясь. Ну вот, скоро настанет время самой ответственной части мерлезонского балета – акт по отшиванию Женечки.

Им тоже принесли счет, Пирожок расплатился, побаловав официанта щедрыми чаевыми, которые Настя обязана была заметить и отметить, встал, предложил руку.

Выходя из помещения, Веселова бросила еще один взгляд на место, с которого за ней велась слежка. Интересно, сиди она сегодня за тем столиком, вечер оказался бы таким же бездарно потраченным или нет?

Отмахнувшись от глупой мысли, она обернулась.

– Передавай своим женщинам привет, – Глеб протянул руку, вполне искренне улыбаясь собеседнику.

– Передам. Снежа, кстати, приглашала тебя к нам на дачу. У папы рыба, Марина озвеврела – записалась на кулинарные курсы, теперь кашеварит что-то невообразимое, но местами вкусное, ну и воздух...

– Спасибо за приглашение, приеду.

– Тогда до встречи, – Марк кивнул, направляясь к машине. Обернулся уже рядом с дверью, усмехнулся, поднимая вверх телефон. – Знаешь, как говорят? Не поминай всуе...

Глеб прищурился, пытаясь рассмотреть изображение на экране мобильного.

Фотография классная – все девичье царство Самойлова младшего в полном составе. Снежана с Полиной на руках и корчащая рожу Катя сбоку. Аж немного завидно.

– Да, солнце, – Марк взял трубку, забираясь в машину.

Забыв о Глебе окончательно, Самойлов вырулил с парковки, что-то терпеливо объясняя жене по телефону.

Завидно, конечно, но не настолько, чтоб тут же мчать в загс и строгать детей. Успеется еще. А если нет... Фиг с ним.

Пока у него и других развлечений полно, например...

– Так плохо? – Женя сочувственно смотрел на пытающуюся как можно артистичней морщиться Настю. Головная боль, она такая. Помогает не только в семейной жизни, но и задолго до.

– Давление, Жень. Таблетки не помогут, нужно просто полежать, пройдет... – почему-то вспомнилось, как в детстве, на тренировках, когда их жестоко тянули, преподавательница запрещала морщить лоб. Мол, сложно? А ты сделай так, чтоб ни один человек в мире не догадался, как ты страдала, чтобы потом блистать.

Потом, как бы больно ни было на тренировках и в жизни, Настя никогда не морщилась, не выдавала эмоций, оставалась, возможно, излишне холодной и неправдоподобно спокойной, теперь же картинно страдала за все непролитые слезы и сдержанные стоны. Не поверить Женечка просто не мог.

– Может я провожу?

– Не надо, – Настя ответила будто через силу, накрывая рукой вроде как болезный лоб. – Я сама...

– Ну хоть позвони, когда дойдешь...

– Конечно... И спасибо тебе за вечер, – желая побыстрее смотаться с импровизированной сцены ее личного спектакля, Настя потянулась к Жениной щеке, клюнула, а потом слишком резко, как для безнадежно больной, выскочила из машины.

'Ура! Победа!'

Вот теперь уже неважно, как глупо выглядела ее сценка с разболевшейся вдруг головой. Главное, ее не разоблачили, и теперь она стоит на пороге соседнего со своим подъезда, держится за лоб, махая на прощанье откровенно расстроенному Пирожку. Еще бы. Она тоже расстроилась бы, обломай ей кто-то перспективный вечер. Хотя Женечка и обломал. Для нее перспективным был бы вечер дома, с мамой, братом, чаем и каким-то слезливым фильмом, а ужин в компании Пира – повинность, которую она должна была исполнить... и исполнила.

Бросив на нее еще несколько взглядов через стекло пассажирской двери, Женя нажал на газ, позволяя машине медленно покатиться по двору.

Сжав пальцами виски, на случай, если Женьку придет в голову обернуться напоследок, Настя не смогла сдержаться от того, чтобы не расплыться в улыбке... а еще ноги сами понеслись в пляс. В такой маленький, практически незаметный, но пляс.

'Все. Теперь точно ура!'

Машина Пира вырулила из двора, влилась в поток автомобилей на улице. Прекрасно, чудесно, замечательно. На часах – всего-то девять с небольшим, вечер еще не испорчен, можно взлететь по ступенькам на нужный этаж, облачиться в любимую пижаму, взять любимую кружку, прижаться к любимому маминому боку и вспомнить на вечер, как хорошо было когда-то. До Бабочки, до Женечки, до всех проблем и неурядиц.

На губах Насти играла мечтательная улыбка, когда она неслась уже к своему подъезду, рылась в сумочке, разыскивая ключи, придерживала дверь, впуская соседа с собакой. Она не видела, как в одной из машин зажигаются потухшие не так давно фары, как ее провожают взглядом за закрывающейся дверью, а потом объезжают круг почета, тоже выруливая.

– Правильно, бабочка, нечего водиться с разными идиотами.

Глеб выехал на улицу, держа путь домой.

Глава 6

На протяжении следующих двух недель Настя сдала еще два экзамена, получила очередное жалование, уговорила маму поехать в июле с Андрюшей к бабушке, папиной маме. Причем последнее было самым сложным.

– Ну как же, Настён? Она нас всех приглашала, и что это будет, если мы приедем, а ты нет?

– А я потом приеду, мам, – в тот день они генерально убрали комнату, отодвигая от стен шкафы, потому ответила Настя откуда-то из угла, не видимого для взгляда Натальи. – Ты разберешься с работой, я сдам сессию, отойду от нее, а потом у меня будет целый август, съезжу, повидаю.

– А пока мы там будем, ты что, тут сама..? Две недели?

Настя прикусила язык, прежде чем ответить правдиво – она тут справится замечательно. Всем иногда нужно побыть наедине с собой, ей это было просто необходимо, слишком многое в последнее время случилось.

– Я буду скучать, но вы хотя бы отдохнете, воздухом подышите...

Наталья промолчала, но судя по всему, смирилась.

Поиски работы не увенчались успехом, она даже готова была согласиться на сделанное когда-то предложение друга мужа, но тот извинился, сказав, что обстоятельства изменились, по ним прошла проверка, и теперь чтоб выплатить штраф, придется продавать почку... или магазин.

В последнее время Наталья все чаще задумывалась о том, чтобы плюнуть на гордость, переступить через себя и снять деньги со злосчастного счета. Каждый раз, когда Настя заходила на кухню, клала на край стола деньги, глухо шептала 'вот', опустив взгляд, Наталья клялась себе, что так и сделает. Снимет с плеч собственного ребенка бремя, которое должно лежать на ней, но каждый раз не могла себя заставить.

Безработная жизнь все затягивалась, а свет в конце тоннеля так и не загорелся. Ответы на разосланные резюме приходили все реже, шансов все меньше, отчаявшись, Наталья расклеила объявления на всех столбах района, предлагая услуги... няни, сиделки, швеи, бухгалтера, клининговые, прости господи, любые. Умела бы танцевать, как Настя, или петь, как муж, написала бы и об этом. Но объявления или срывали, или заклеивали другими, лишая последней надежды, а телефон настойчиво молчал.

– Хорошо, – ее сломали обстоятельства. Увольнение и безрезультатные попытки устроиться на работу высосали последние силы, которых и так было не слишком много. Она потеряла веру и надежду. Пока осталась только гордость, которой тоже скоро грозил прийти конец.

Соглашаясь с дочкой, Наталья дала себе зарок, что если за оставшееся до отъезда время не найдет работу, съездит к матери мужа, попросит прощения, а потом снимет эти проклятые деньги.

Настя, по правде, тоже устала, возможно, не меньше матери. Устала чего-то бояться, стыдиться, отлынивать от разговоров с Женечкой, объяснять всем и каждому, откуда круги под глазами, опасаться, что Алина растрезвонит, куда она ушла из коллектива. А еще Настя скучала по своим любимым деткам...

Особенно остро поняла это, встретив одну из учениц. Маленькая обняла ее так сильно, что в горле запершило и глаза защипало, а потом спросила, когда Анастасия Владимировна вернется. К сожалению, Анастасия Владимировна понятия не имела, что ответить. Только и смогла, что похвалить Свету и приказать, чтоб ее слушались, а потом, уже вечером, дома,

открыть фотографии с последнего открытого урока ее деток, чтобы пересматривать их, рыдая в три ручья.

На нее давило все происходящее, давил переход из временного в постоянное, давили окружающие, сознательно и нет. Хотелось, чтоб все оставили в покое хотя бы на пару дней. Но никто не собирался это делать.

Даже Имагин, который должен был с чистой совестью пропасть из Баттерфляя на долгое время, отведенное Жене на реабилитацию заведения, и тот периодически появлялся, мусоля взгляд и теребя душу.

Почему при взгляде на него теребилась душа, Настя не знала, наверное, все дело в обиде, которая никак не хотела проходить, но смотреть на него спокойно девушка не могла.

Они так и не познакомились. Странно, знали друг друга, узнавали, Настя несколько раз слышала его голос, но между собой они не разговаривали ни разу. Не кивали при встрече, не улыбались, просто проходили мимо. Настя – с каменным лицом, а Имагин иногда хмыкал, думая о чем-то своем.

Однажды Настя застала любопытнейшую сцену – Амина стояла у стены, игриво водя пальцем по губам, а Имагин нависал сверху, с улыбкой что-то рассказывая. Выглядело очень эффектно. Красивая длинноногая Амина и высокий статный Имагин. Органично. И весовая категория одна – Амина не тушует, не смущается, заигрывает, да и он чувствует себя превосходно.

Настя тогда скривилась, резко разворачиваясь. Не хотелось проходить мимо и слышать, о чем воркуют эти двое. Они-то точно ее заметили, Ася чувствовала, что Имагин проводил ее взглядом, но было плевать. Да, этот человек вызывал в ней опасения и, как следствие, неприязнь, но, в сущности, до всего, что связано с ним, ей должно быть фиолетово. Должно.

Шло время, близился великий праздник. Праздник, упоминания о котором не сходило с уст всех работников Бабочки. Скоро заведение должно было праздновать пятилетие.

По этому случаю в субботу устраивали невообразимый кутеж для посетителей, а для своих... А для своих была запланирована небольшая вечеринка в четверг.

Вечеринка, на которую Настя идти не собиралась. Омрачать чужой праздник своей постной миной было бы крайне неправильно. А в том, что мина будет постной, Настя не сомневалась. Потому отказалась и от приглашения Пирожка, который очень... ну очень хотел бы видеть ее вечером, и на вопросы девочек тоже отвечала предельно честно и однозначно – не придет и точка.

Они же, будто сговорились, всячески уламывая все же пойти. Потом-то оказалось, что так сговорились – Женечка отдал четкий приказ: Настасья должна пойти. Хочет или нет, но должна. Зачем это ему, Настя так и не поняла. За прошедшие две недели он должен был осознать, что ему ничего не светит, даже в связи с благодарностью, которую Ася непременно должна испытывать, ему не обломится. Но Пир не унимался, снова и снова подсылая к ней 'агентов'.

Последней, самой тяжелой артиллерией, стала Амина. После инцидента с Имагиным Настя смотрела на нее настороженно. Почему? Еще один вопрос без ответа. Просто ей не понравилось, как они говорили, смеялись, переглядывались. Наверняка, спелись, с... дружились.

– Не понимаю тебя, – Амина тогда ввалилась к ней в каморку без спроса, плюхнулась на кресло у трюмо, взяла в руки чужую тушь, тут же проводя по длинным ресницам.

Настя, которая в это время переодевалась, только угрюмо зыркнула, предпочитая не уточнять, что тоже многого не понимает. Например, как можно врываться к посторонним.

– Бесплатная выпивка, бесплатная еда, музыка бесплатная, потом домой отвезут. Чего ломаться?

– У вас что, без меня праздник не сложится? – подойдя к зеркалу, Настя взяла из чужих рук свою вещь, уперлась о столик, склоняясь ближе, провела по ресничкам.

– У кого-то явно не сложится... – а потом оглянулась, уловив необычную задумчивую интонацию в голосе Амина. Та бесцеремонно разглядывала ее пятую точку, плотно обтянутую белой материей. – Недурно...

– Совсем что ли? – Веселова резко выпрямилась, натягивая юбку пониже. Будь на месте Амины тот же Женечка, получил бы по лицу.

– Я просто оцениваю, стоит ли твоя скромная персона таких усилий...

– Каких усилий? – развернувшись, Настя присела на столик, сложила руки на груди. Ей не нравились эти загадочные разговоры. Лучше уж сразу, ясно и точно.

– Есть у тебя один тайный поклонник, Настенька. Очень жаждущий видеть ваше бабочкино высочество в четверг на нашем скромном празднике. Жаждущий настолько, что Женечка нам зарплату урежет, если ты не объявишься...

– Он совсем спятил? Не буду я с ним спать! – тушь полетела на столик, докатилась до поверхности зеркала, стукнулась о него, а потом вновь попала в руки Амины.

– С Женечкой никто спать не будет, пока он свое эго не усмирит. Но это не Женя...

– А кто? – да. Ей было совершенно наплевать. Абсолютно неважно. И ни разу не интересно. Просто... женская любопытная сущность прет и вот... Вопрос получился ни разу не равнодушным.

– Интересно? Приходи.

– Не приду, – Веселова снова нахмурилась, прижимая руки к груди еще плотнее.

– Пожалеешь.

– Если приду, точно пожалею. Лучше уж жить в неведенье...

– И умереть целкой...

– С чего ты взяла..?

– А что, нет? Поздравляю. Я почему-то думала, что ты у нас чиста и непорочна. Ангел.

– Мы не о том, – Настя покраснела, и из-за этого разозлилась еще больше.

– Ну ладно, хочешь правды, будет тебе правда. Мужик тобой один интересуется. Неплохой мужик. Никто тебя не съест и даже не покусает. Заодно и развлечешься.

– Это что, здесь еще и сводят?

Амина закатила глаза, откидываясь на спинку кресла.

– Нужна ты всем больно, бабочка крылатая, чтоб тебя с кем-то сводить. Придешь – не пожалеешь. Вот и все.

Настя не ответила. Промолчала. Захочет – придет. Не захочет – не придет. Да, любопытно. Самую малость. Но кто его знает, что ей стукнет в голову до четверга?

– Что у вас с Имагиным? – вопрос застал Амину уже на пороге. Та обернулась, хмыкнула, пожалала плечами.

– На чужое не претендую.

– А он чужое?

– Потенциально – да, – Амина окинула Настю долгим взглядом, а потом вышла, посчитав, что объяснила емко и доступно.

Ну неужели она действительно должна была объяснять девочке, какой именно мужчина ею интересуется, если только слепой этого не заметит? Имагин даже к ней не погнушался подойти, кое-что разузнать, заручиться поддержкой. Непонятно только, зачем такие сложности? Познакомился бы уже, да тра... получил, что хочет. А он морочится глупостями. Но это точно уж не ее ума дела. Да и, судя по всему, это вообще не ума дело.

Глеб любил, когда его поручения исполняют быстро и четко. Потому-то Женя его так часто и бесил – он предпочитал нарываться, ходить по краю и не проваливаться лишь чудом.

Это был уже не первый случай, когда, занимаясь вплотную другими проектами, Имагину приходилось брать под контроль Баттерфляй.

В такие периоды он костерил себя последними словами за то, что когда-то согласился обзавестись убитым помещением, которое и раньше было клубом, просто называлось иначе. А потом за то, что вложил сюда немалые деньги, приличные силы и хилые, но надежды. Тягаться с топовыми заведениями Баттерфляй не смог бы, да Имагину это было и не нужно, но слыть дырой тоже не хотелось.

И так случилось, что вот уже пять лет Бабочка балансировала между приятными взлетами и падениями, которые могли бы стать фатальными, не бойся Пирожок его до трясушки в коленках.

По факту, этот страх играл Глебу на руку, жаль, что лишь до той поры, пока Женечка не забывал, насколько Имагин умеет быть грозным. Потому-то периодически и приходилось напоминать.

Да, Глеб умел быть грозным, а еще жутко целеустремленным. И на этот вечер у него была цель.

Цель стояла у стены, задумчиво поглядывая на происходящее на сцене. А там, передавая микрофон из руки в руки, девочки голосили очередной хит, от которого уши грозили свернуться в трубочку.

Подойдя к бару, Глеб сам взял в руки бутылку, откупорил, наполнил два бокала. Сегодня гуляли все, в том числе и бармены, потому обслуживал себя каждый сам, исходя из собственного состояния и настроения. Например, тем, кто на сцене – уже весело, а вот стоящей у стенки Цели пока грустно.

Взяв в руки бокалы, мужчина направился именно к ней.

По правде, до последнего сомневался, что Настя согласится. Да, давал поручение Жене обеспечить присутствие всех без исключения. Без малейшего. Всех. По списку получающих жалование, но знал, что она до последнего артачилась.

Знал от Амины, с которой удалось неплохо поговорить и с... говориться. Нет, он не делился с ней своими неземными чувствами к девушке, которую видел то всего раз пять... или десять. Если б начал лепетать подобное, сам над собой же и посмеялся бы, но и отрицать, что она ему интересна – не мог. А эта затея с праздником... Все у них началось как-то не так. Точнее и не началось-то – они же даже не знакомы. Просто Глеб чувствовал – подойди к девушке просто в коридоре, она оцетинилась бы, и дело с концом. Видел по глазам, что Настя настроена враждебно. Мог только догадываться, почему, но предпочел не нарываться сразу на отворот-поворот, а поступить мудрее – познакомиться в непринужденной обстановке, когда она будет в духе, да и он сам сможет смотреть в глаза, а не на то, как завораживающе бабочка извивается.

Надежды на один пункт оправдались – пользуясь отсутствием обязательного привычного... дресс-кода, Настя выбрала джинсы, плотно обтягивающие стройные ноги, майку с принтом в виде якоря и надписью 'девушка моряка' на английском, чем откровенно позабавила, на ногах, на которых так хорошо смотрелись босоножки на высоком каблуке, сейчас красовались кеды. Бросая на нее редкие взгляды, Глеб то и дело усмехался, решая, что ему нравится больше – бабочка, с крыльями за плечами под светом софитов, или куколка в джинсах и кедах. Не сомневался в одном – она ему нравилась, и с этим нужно что-то делать.

– Настя, правильно? – когда он подошел, девушка вздрогнула, резко поворачивая голову в его сторону. Засмотрелась на сцену, задумалась, даже немного испугалась. А потом, когда с лица пропала растерянность, она вновь свела брови на переносице, надевая привычную, в его присутствии, маску враждебности. С одной небольшой разницей – теперь им впервые предстояло не разойтись, лишь отметив выражение на лицах друг друга, а поговорить.

Даже себе Настя не могла объяснить, почему решила прийти. Поддалась на уговоры Жени? Смешно, почему-то на его уговоры повторить ужин не поддавалась. Пожалела девочек? Возможно, пожалела бы, если б верила, что угроза реальна. Ее заинтересовали слова Амины? Вот эта версия уже близка к истине, только... признаваться, что ей любопытно, не хотелось даже самой себе.

Хотя нет, любопытно! Любопытно встретить человека, который прилагает такие усилия, чтоб организовать эту встречу, и спросить у него – зачем?

А кто этот человек... Совсем не любопытно, ни капельки, абсолютно, совершенно... Только почему он не подходит?

Больше часа Настя провела в подобных раздумьях, изредка отвлекаясь на разговоры с подошедшими. Сначала с Аминой, которая вновь сыпала своими многозначностями, потом с Женечкой, который расхваливал ее за то, что пришла, а себя за то, что уговорил. Ну и еще немножко пытался уболтать на очередную встречу, но в этом вопросе Настя была безжалостна. Потом девушка немного танцевала вместе со всеми бабочками, которые решили продемонстрировать свои умения в штатском. Им хлопали, улюлюкали, смеялись. И они тоже дурачились, просто наслаждаясь, но когда трэк закончился, все помчали к бару, а Насте стало грустно – она всего на секунду вернулась в ту свою жизнь, где танец приносил радость, а потом снова почувствовала себя бабочкой Баттерфляя.

Отойдя подальше, в угол, она уставилась на сцену, на которой теперь, забирая микрофон из рук друг друга, девочки пели песни. Хотя не особо-то пели, скорее, соревновались в умении горланить, а вот стоило микрофону переключиться в руки к Жене, он прокашливался, будто готовя связки, а потом с совершенно серьезным лицом начинал выдавать рулады, заставляя всех окружающих зажимать уши руками.

Если смотреть глобально, праздник удался, а то, что сама Веселова чувствует себя здесь лишней – так это ее личные проблемы, до которых никому нет дела, да и быть не должно.

– Настя, правильно? – он подошел именно тогда, когда Ася умудрилась забыть о главной цели своего пребывания на празднике.

Резко обернувшись, девушка свела брови на переносице. Свое отношение к этому человеку ей сложно было объяснить, но она его опасалась, а любой взгляд, любое движение, любое слово, адресованное не ей, раздражало. Будут ли так же раздражать слова в ее адрес, Настя раньше не знала, а теперь... вновь в душе поднялась волна раздражения. Видимо, он бесит ее на генетическом уровне, а еще кажется опасным, а еще... Она ведь не последняя дурочка, чтобы не понимать, зачем взрослому мужчине так улыбаться, протягивая бокал.

– Настя, но я не пью, спасибо, – девушка вновь перевела взгляд на сцену, делая маленький шагок в сторону вдоль стены.

– Я тоже, – Глеб хмыкнул, бросая взгляд на бокалы. И сам не понял, зачем наполнил два, видимо, за компанию. Пить бы все равно не стал, позже вспомнил бы, но тому, что так увлекся – удивился.

Девушка не ответила, только еще внимательней стала вглядываться на сцену, с которой сползали, спрыгивали, скатывались недавние солисты, уступая место более привычной для человеческого уха музыке.

– Глеб, – к сожалению, Имагин не посчитал это сигналом к тому, что разговор продолжать не стоит. Поставил бокалы на бар, а потом вновь обернулся к ней, смотря выжидающе, но без той тяжести, которую Настя помнила со времен первой их встречи.

– Я знаю, кто вы, господин Имагин, – а под таким взглядом сложно долго делать вид, что ты увлечена разглядыванием пустой сцены. Пришлось обернуться, посмотреть в спокойные глаза, при этом гордо вскинув голову. Мол, даже не пытайтесь меня обольстить! Я все о вас знаю! И о том, что уволить хотели за обморок, и о зажиманиях с Аминой, и о том, что на меня тоже некие планы имеются. Но не пройдет!

– Кто? – кажется, только это ему и было нужно – вытянуть из нее хоть слово, чтоб потом, зацепившись за него, раскрутить на разговор. Нужно было молчать.

– Вы, правда, хотите, чтоб я ответила? – девушка пыталась заставить себя говорить спокойно, а еще тщательней подбирать слова, чтоб слишком не нагрубить. – До склеротических лет вам еще далеко, а на человека, чье самолюбие тешит перечень собственных регалий в чужом исполнении, не походите.

Глеб снова хмыкнул, потянулся к волосам, провел по ним. Пожалуй, ему пора бы постричься, во всяком случае, стоило Андрюше зарости до такого состояния, мама с удовольствием вооружалась ножницами. Но Имагину было неплохо.

– На самом деле, нет, – убрав руку, он снова посмотрел на нее серьезно, но как-то... легко. И говорил тоже легко и просто. Пожалуй, смотри он так же в первый вечер, обошлось бы без обмороков. – Хотел узнать, как себя чувствуете?

– Я? – девушка растерялась, не ожидала. – Хорошо. Почему вы спрашиваете?

– Просто не так часто люди при мне теряют сознание, ты здорово всех испугала...

Настя царапнула две вещи: это 'ты' без спросу, а еще 'испугала'... Его лично она испугала так сильно, что он готов был тут же вышвырнуть хилую недобабочку на улицу.

– Со мной такое тоже было впервые, потому не бойтесь, не повторится, – если только вы не станете больше играть в свои нездоровые гляделки...

– Значит, Настя, – создавалось впечатление, что он разведывает территорию, пытаюсь подойти то с одной стороны, то с другой. Не получилось с вином – отлично, будут разговоры. Не вышла одна тема – ничего, есть другие. Зачем? Для того, чтоб ответить на этот вопрос, нужно было принять его правила или спросить в лицо.

– Значит. – Настя кивнула, почему-то выбирая первый вариант.

– Ты не пьешь потому, что не пьешь, или принести что-то другое?

– Нет, другого не надо, я просто не хочу, – пить с вами.

Она-то не договорила, но он понял. Если бы Настя считала, сколько раз он уже усмехнулся, это был бы третий. Черт. Неужели считала?

– Может, тогда есть? Петь? Танцевать?

– Нет, спасибо, я...

– Постоишь у стенки?

– Да, – Настя опустила взгляд, чувствуя, что безбожно краснеет. Надо же, вроде бы не слишком уютно чувствовать себя должен мужчина, которого отшивают, а неудобно ей.

– Бедный Женя, – мужчина-то чувствовал себя превосходно. Уперся рукой о стену над левым плечом девушки, скользя взглядом по лицу. Ну вот, она дожилась до того, что даже такие его, простые, взгляды чувствует.

– При чем тут Женя? – а еще не сразу делает, казалось бы, не слишком-то сложные логические заключения.

– Не представляю, как он уговорил тебя поужинать, если ты на все вопросы отвечаешь исключительно 'нет'. Я же видел, ты ела тогда.

Он так просто признался в том, что шпионил в тот вечер за ней, что Настя опешила. Думала, вообще не станет поднимать тему прошлых странностей.

– Или ты только мне отвечаешь нет?

По правде, получается, что да. Но подобное в лицо-то не скажешь. Тем более, что плохого ей Имагин еще ничего не сделал. Не уволил, даже не обругал, подошел сам, с мировой.

– Я... просто... не хочу. Вы... Вы о чем-то хотели поговорить, Глеб Юрьевич, или просто так подошли?

Настя не смогла бы соперничать с мужчиной по части выдержки, даже не пыталась, а потому решила задать вопрос, с которого стоило начать.

– На самом деле, хотел, но не поговорить, на это ты не очень настроена... Может, потанцуем? – он кивнул на танцпол, не настолько полный, как обычно, но и не пустующий. Исполняя чью-то просьбу, дежурящий за пультом включил медленную композицию. – Или ты и танцевать не... – он мягко передразнил ее манеру неуверенных отказов. Рисковал, она могла вспылить, но повезло.

Настя почему-то кивнула. Исключительно потому, что музыка красивая. Только поэтому, да.

Какая по очереди ухмылка? Веселова все же сбилась со счета, но руку в протянутую ладонь вложила, позволила вывести себя из темноты, послушно обвила шею Имагина, подсознательно отмечая, что он приблизительно одного роста с Петей, почувствовала, как по поясице скользят уже его руки, держа ее явно не на пионерском расстоянии.

Особого ума в подобных танцах не нужно. Топчись на месте, только так, чтоб ноги партнера остались целы и невредимы, но Настя с подсознательным удовольствием истинного танцевального эстета отметила, что Имагин хорошо ведет. Да, топчется, но как-то с фантазией, не скучно.

– Моряк против не будет? – заговорить он рискнул не сразу, сначала дождался, пока девушка чуть расслабится, привыкнет. А подойти к разговору тоже решил окольными путями. Не так-то важно о чем, лишь бы разрядом не убило. Потому что воздух вокруг Насти явно электризовался.

– Какой моряк? – девушка вскинула непонимающий взгляд на партнера. Брови насуплены, в глазах ну никак не беззаботность и веселье. Будто не танцует, а на эшафот идет. Глеб только вздохнул. Кажется, его невообразимо тонкое чувство юмора вряд ли будет оценено. Не желая растрачивать понапрасну слова, он просто кивнул на ту самую надпись, которая здорово не так давно позабавила.

Настя проследила за взглядом, несколько секунд вникла в суть проблемы, а потом хмыкнула – уже сама. Он точно не считал, но это вроде бы случилось впервые.

– Он в очень дальнем плавании, – настолько дальнем, что даже пред ее глаза еще не являлся. В смысле нет у нее никакого моряка, но Имагину об этом знать совсем не обязательно.

– А если вдруг нагрянет, а ты тут со мной танцуешь?

– Страшнее было бы, если нагрянет, а я тут без вас... танцую, – Настя пробурчала ответ себе под нос, бросая быстрый взгляд на сцену. Будь у нее молодой человек, муж, любимый... Рискнула бы она пойти в Бабочку? Пожалуй, да. Ведь обязательства перед семьей никто не отменял. Но скандала избежать вряд ли получилось бы... Как же хорошо, что парень-моряк, да и не моряк тоже, светит ей в данный момент только как надпись на футболке.

– Как ты попала сюда? – Имагин, судя по всему, подумал о чем-то подобном.

– На праздник? Пришла.

И теперь Глеб себя мысленно похвалил – поступил совершенно верно, она расслабилась, настолько, что к ней вернулось это скрытое, но для него достаточно явное, раздражение.

– Нет, в Бабочку.

Девушка не спешила с ответом, целый куплет они танцевали молча. Все это время Настя смотрела вокруг, периодически ловя на себе взгляды коллег. Амина подмигнула, мол 'а ты ломалась...!', Женечка убедился, что его вселенская грусть замечена, а потом отвернулся, чтоб то ли смахнуть мужскую скупую, то ли наполнить стакан чем-то в меру брутальным.

– Узнала через знакомых, что проводится набор танцовщиц, пришла попробовать. А что?

– Ничего особенного, просто интересно, как девушки оказываются здесь.

Точнее, как докатываются до жизни такой. Спросил так, будто речь о проституции. Настя на секунду напряглась, снова чувствую приступ раздражения, но потом заставила себя разжать пальцы и послушно сделать очередной шаг.

– Девушки ищут работу, зарабатывают, как могут, – а на свой ответ Настя разозлилась еще больше. Потому что ответила тоже, как о проституции.

– Почему не официантка? Секретарь? Любая другая неквалифицированная работа? Неужели мы платим настолько больше?

Глеб сам толком не знал, что хочет услышать. Возможно, что в Баттерфляй ее загнала жуткая жизненная ситуация, которую он может разрулить, или что это временная мера, или что она устроилась в Бабочку на спор. Зачем? Чтоб не ассоциировать ее со своим представлением о подобном ей. Он, как все вокруг, был подвержен предрассудкам.

А Настю это разозлило куда больше, чем все до этого. Она сама относилась к своей 'профессии' с пренебрежением, но позволять, чтоб так же пренебрегали окружающие – все равно, что добровольно вывалиться в грязи.

Она запнулась, вскинула на мужчину взгляд, а ответила так спокойно, как только могла.

– А это для меня призвание. Нравится.

И на лице Имагина дернулась мышца. Почти что скривился. Вот и отлично. Вот и выяснили – брезгует, непонятно только, зачем тогда фарс устроил?

– Крутить...ся перед толпой? – музыка продолжала играть, а вот они больше не перетаптывались.

– Танцевать, Глеб Юрьевич, это называется танцевать.

– Я думал, что мы сейчас танцуем.

– Там, – Настя кивнула на сцену, – танцевать мне нравится больше.

– Не верю, – мужчина сузил глаза, продолжая прижимать девушку к себе.

– Ваше право, – а она попыталась ответить максимально равнодушно. Зачем вообще так раздражаться? Разве для нее хоть что-то значит мнение этого человека? Этого постороннего чуть не уволившего ее однажды человека?

– И что, если, допустим, я предложу тебе другое место, ты откажешься?

– Какое?

– Своего секретаря... – Настя хмыкнула, руки соскользнули с мужской шеи, уперлись в грудь. Осталось только оттолкнуться и уйти.

– С какой стати? Вы всегда так подбираете секретарей? Без собеседования? Или собеседование будет, только в интимной обстановке? – спросив, Настя надавила на грудную клетку, отстраняясь. Он, конечно, дернулся, собираясь придержать, но вовремя опомнился. Не хватало только скандала посреди танцпола с криками 'пустите!' и ответными пылками 'не пушу! никогда! ты моя!'

А потом, не оборачиваясь и не оглядываясь, Настя направилась к выходу. Не спеша, не бледнея и не краснея от злости, вообще не злясь. Ну и что такого произошло? Просто очередной придурок посчитал себя вправе сделать щедрое предложение, от которого невозможно отказаться. Далеко не впервые и, к сожалению, не в последний раз. Почему-то мужики пищат от восторга, стоит только подумать о том, что могут занять в личное пользование танцовщицу. Этот такой же. И ответила Настя ему так же, как всем до.

Выйдя на воздух, Ася чертыхнулась, вспоминая о том, что сумочка осталась где-то в зале. Значит, придется вернуться. Возможно, вернуться и не только забрать свою вещь, а еще и услышать от Имагина или от Женечки, что она таки уволена. Вскинув взгляд в небо, девушка закусила губу.

Ее никогда еще не подводила интуиция. Она всегда знала, что Петя немного не тот, она знала тогда, что мышца не заживет, предчувствовала, что не стоило идти, понимала, что от Имагина нужно держаться подальше. Не слушать собственную интуицию чревато. Теперь осталось только получить и расписаться. Причем, видимо, лично...

– Настя, – ее окликнули. Окликнул тот, кого она пару минут тому оставила на танцполе.

Подобной реакции на безобидный вопрос Глеб не ожидал. Хотя быстро понял, что вопрос кажется безобидным только ему.

Эти ее слова о более интимной обстановке... Он осознал, как неоднозначно прозвучало предложение, и уже неважно, какой в него был вложен смысл.

Да, ему нравилась девушка, да, он думал о том, что совсем не против интимной обстановки, но причина предложения крылась в другом – ему не нравилось, что заинтересовавшей его Насте приходится (а он хотел воспринимать это исключительно так), крутиться перед толпой вожделеющих.

План был предельно прост – предложить ей более уютное во всех смыслах место, а потом спокойно обхаживать, ухаживать, пробовать, пытаться. Даже спешить не хотелось. Их неформальная договоренность с Юлей еще в силе, время есть, а главное, есть желание.

Только получилось, что он говорил одно, а она слышала другое. Услышала, блеснула глазами, оттолкнула, ушла.

Сумку ему вручила Амина, не желая откладывать объяснения в долгий ящик, он тут же направился вслед за беглянкой.

И не то, чтоб она особо убегала, стояла в десяти шагах от входа, запрокинув голову.

– Настя.

Услышав обращение, девушка резко обернулась, вновь блеснув глазами.

– Уволить пришли?

– Глупости не говори, – Имагин подошел, вытянул руку, в которой держал маленькую сумочку со всем ее скарбом – телефоном, деньгами на такси, блеском и наушниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.